

3/3
ЗНАНИЙ
МАНИ
СЛОВ

ДМИТРИЙ КОЛОДАН

ДОМ НОЧИ

ЕСТЬ СОН. И ЯВЬ. И ДОМ.

Сломанный миф. Изнанка

Дмитрий Колодан

Дом Ночи

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колодан Д. Г.

Дом Ночи / Д. Г. Колодан — «Эксмо», 2021 — (Сломанный миф. Изнанка)

ISBN 978-5-04-157429-1

Ужасно далеко и бесконечно близко, на краю заката, где сны обретают плоть, стоит этот Дом. Хозяйка его – Матушка Ночи, повелительница грез и забытых историй. Здесь обитают невероятные существа, призраки и чудовища... И маленькая девочка по имени Ива. Она живет среди монстров, но даже не подозревает, что настоящие кошмары ждут ее за стенами Дома.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-157429-1

© Колодан Д. Г., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Сделка	6
Матушка Ночи ловит рыбу	8
Охотник	9
Урдак	10
Стая	11
Черный Кочегар	12
Дом Матушки Ночи	13
В Общей Гостиной	14
Слово Короля Воронов	16
Урдак наблюдает	17
Имя для вороненка	19
Первый встречный	21
Вязание Матушки Ночи	23
Глава 2	24
Кленовый сахар	24
Смотри внимательно	26
Как мотылек на свет	28
Читай по слогам	30
Тот, кто живет в подвале	31
Держи крепче	33
Сказки камней	35
Не зевай	38
Забытые сны	40
Подойди ближе	42
Дурной поступок	44
Спи спокойно	46
Боль и слезы	48
Угольная девочка	50
Глава 3	52
Голоса птиц	52
Отличный выстрел	54
Три правила	57
Колючий пастух	59
Ночной костер	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дмитрий Геннадьевич Колодан

Дом Ночи

© Дмитрий Колодан, текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Сделка

Женщина была мертва и знала об этом. Она уже не чувствовала боли. Боль была вначале: яркая вспышка в мгновение выжгла ее изнутри. Боль ушла, и остался только холод, ледяным шаром набухавший внизу живота.

Женщина не помнила, как выбралась из горящей машины, не помнила, как вытащила из нее своего ребенка. Это случилось давно, когда она была жива. Сейчас она лежала на мягкой земле, жадно глотавшей последние капли крови. Изломанное тело, освещенное алым пламенем. Муж остался в машине. Сквозь огонь еще виднелся темный силуэт, но женщина не смотрела в ту сторону. Все было кончено.

Рядом захлебывался в писклявом крике младенец. Девочка хотела есть, она замерзла и испугалась. Женщина ничем не могла ей помочь. Хотелось плакать от бессилия, но в глазах не осталось слез. За нее плакало небо – колючей моросью дождя.

Ее дочь чудом уцелела в аварии. Ревущее пламя даже не опалило ее черные волосы. Но это ничего не меняло. В этой глуши помощи ждать неоткуда, и девочку ждала смерть от холода и голода. Если прежде до нее не доберутся дикие звери: волки, лисы и иные твари из этих лесов. Они уже близко, они здесь.

Перед остекленевшими глазами мелькнула черная тень. Большой ворон опустился в нескольких шагах и, качая головой, уставился на женщину, словно спрашивал: *готова?* Бисер дождя блестел на маслянисто-черных перьях. Злая, наглая птица, она первая явилась на зов старухи-смерти. Она не испугалась ни огня, ни мертвой женщины, ни ее живого ребенка. В награду за смелость ей будет чем поживиться.

Женщина смотрела, как ворон неуклюжими прыжками подбирается ближе. По лакированному клюву плясали алые сполохи. На мгновение птица замерла: черный силуэт, обведенный по краю оранжевым и красным. Перья на макушке топорщились, в отблесках пламени напоминая золоченую корону. Ворон запрыгал на месте, исполняя победный танец.

– Кра! Кра!

Никогда... Женщина сжала мертвые зубы. *Никогда эта птица не получит ее ребенка!*

Подскакав ближе, ворон клюнул ее в раскрытую ладонь. Сильный удар пробил кожу, но женщина ничего не почувствовала. Ворон снова клюнул, царапнул острым когтем запястье.

На третий раз мертвая женщина вскинула руку и схватила птицу за шею. Ворон дернулся, захлопал крыльями, пытаясь вырваться, но она лишь сильнее сжала пальцы.

Никогда!

Перья были скользкими и липкими от ее крови. Ворон захрипел.

– Я сохраню тебе жизнь, – сказала мертвая женщина. – А ты спасешь мою дочь. Жизнь за жизнь – это честная сделка.

Ворон продолжал бить ее когтями и крыльями, превращая кожу в лохмотья и раздирая жилы. Но женщина не сдавалась, и в конце концов ворон притих. Только тогда она разжала ладонь. То, что от нее осталось.

Ворон отскочил, глядя на женщину то одним, то другим глазом. Над машиной взметнулось пламя, осветив все багряным светом. Черный ворон, красный ворон... Дочь заплакала громче.

– Кра! Честная сделка!

И ворон тяжело поднялся в воздух, сделал круг над горящей машиной и полетел в сторону леса. Женщина закрыла мертвые глаза.

Она не видела, как погас огонь. Не видела, как над лесом поднялась огромная птичья стая. Не видела, как почернело небо.

Матушка Ночи ловит рыбу

В глубине леса пряталось маленькое озеро: круглое, как луна, гладкое, как зеркало, и черное, как сама темнота. Укрытое кольцом могучих елей, с тяжелыми ветвями и корой цвета засохшей крови. Их макушки пиками вонзались в пасмурно-серое небо; корявые корни переплелись, как змеи по весне. Ветер раскачивал деревья, словно в такт дыханию невидимого великана. *Вдох-выдох...* Но ни одна сломанная веточка, ни одна хвоинка не падали в воду – боялись. Где-то далеко каркал ворон: «*Кра! Кра!*»

Матушка Ночи сидела на замшелом валуне у края воды. Холодные волны ласкали ее белые ступни. Лицо у Матушки Ночи худое и красивое, цвета выбеленной кости. Глаза точь-в-точь как вода в озере: черные и блестящие. Лишь изредка в их глубине мелькали серебристые искорки, будто крошечные рыбки. Или звезды. Шелковое платье ниспадало до пят и, мокрое, липло к ногам.

В каждой из шести своих рук Матушка Ночи держала длинную леску, уходящую в воду, и не спеша перебирала изящными пальцами. Туго натянутые паутинки дрожали и пели: «*Ии-оу-иу*». Зеркало озера дрожало мелкой рябью. Матушка Ночи знала, что в темной глубине сейчас бьется ее добыча. Но пока еще рано доставать улов. В этих водах водилась слишком странная, а порой и опасная рыба.

Ветер зашумел сильнее. Деревья зашептались на тысячу голосов. Меж красных стволов вскипели клубы тумана и призрачной волной обрушились на озеро. Точно пушистое белое облако рухнуло с небес на землю. Губы Матушки Ночи изогнулись.

Она взмахнула рукой – уверенное движение опытного рыболова, и над водой сверкнула голубая вспышка. В воздухе повисла извивающаяся рыбина: длинная, как угорь, с круглыми глазами-блюдами и торчащими кривыми зубами. По гладкой шкуре искрились синие молнии. Матушка Ночи поежилась: *какой кошмар...* Но стодится для похлебки. Рыба вырывалась изо всех сил, крошечные молнии вонзались в черную воду. Натянувшаяся леска резала пальцы и, казалось, того и гляди лопнет. Но никто еще не уходил от Матушки Ночи. Рывок, и рыба затихла.

Еще взмах. У новой рыбины оказалось человеческое лицо: женщины с длинными черными волосами и красивыми глазами. На накрашенных губах застыла мечтательная улыбка, а в зрачках танцевало пламя.

Тут Матушка Ночи нахмурилась. Вот такую рыбу точно нельзя есть, и, немного подумав, она отпустила лесу. Паутинка скользнула меж пальцев и исчезла, растворившись в тумане, словно ее и вовсе не было. Без единого всплеска диковинная рыба упала в воду и скрылась в глубине.

Рыба ушла, но в то же мгновение Матушка Ночи вытащила следующую. Руки ее двигались быстро, она знала свое дело. Одна за другой, и вот уже пять светящихся рыбин закружились в зыбком тумане – красивые, чудные и страшные.

Матушка Ночи была довольна: сегодня выдался хороший улов, а это значит, что жильцов в ее доме ждет сытный ужин. Вот только думала она лишь о той рыбе, которую отпустила. Такое уже случалось раньше и всегда предвещало события чудные и необычные. Как далекий гром возвещает о приближающейся грозе. Что-то случилось и что-то случится.

А далеко над лесом кружили черные птицы.

Охотник

Охотник лежал на земле, прижимаясь щекой к мягкому мху. В узкой ложине, меж корней огромной сосны – дерева высокого, как небо, и старого, как само время. Нужно идти очень долго, чтобы обойти вокруг его ствола.

Охотник прятался здесь уже давно – день, ночь и еще день. Он не спал и минуты; живот скрутило от голода, точно высохшую сливу;пил он грязную воду, которую выжимал из мха. Его одежда, скроенная из звериных шкур, промокла насквозь. Кожа на ладонях сморщилась от холодной влаги. Но порох и кремни Охотник держал сухими. Длинноствольное ружье, обернутое в мешковину, лежало по правую руку – в любую секунду Охотник готов был спустить курок. И это время приближалось. Охотник чувствовал это каждой клеточкой тела. Он слышал, как дрожит земля, как стихают прочие звуки. Он слышал мягкую поступь своей добычи.

Охотник могуч, свиреп и дик. Волосы его черны, как просмоленная пакля. Длинную бороду он подрезал ножом, который сам сделал из острого камня. Его родная сестра – медведица. Каждый зверь в Большом Лесу знал Охотника, и все его боялись... Все, кроме того, что сейчас шел ему навстречу. От напряжения у Охотника кровь сочилась из подушечек пальцев. Но при этом был он абсолютно спокоен. Сердце билось ровно и тихо.

Густые заросли ивняка задрожали. С ветвей посыпались листья и закружились, подхваченные порывом ветра. Где-то в чаще вспорхнула птица... Охотник вздрогнул. В тот же миг хлесткие ветви расступились и на опушку ступил Первозверь.

Он шел медленно, как и положено хозяину, обходящему владения. Он никуда не спешил. Желто-зеленый мох прогибался под раздвоенными копытами, и в следах проступала темная вода. Остановившись в тени гигантской сосны, Первозверь фыркнул, выдохнув облачко пара. Его морда походила на морду кабана – широкое рыло дрожало при каждом вдохе. Она походила и на морду волка – на желтых клыках пенилась густая слюна. С длинного витого рога, торчащего посреди лба, свисали лохмотья кожи. Первозверь прядал длинными ушами, прислушиваясь к голосам Леса. Огромные, не по-звериному зеленые глаза блестели от влаги, будто Первозверь вот-вот расплачется. Над мордой звенящим облаком вился гнус.

Охотник затаил дыхание. Он знал, что Первозверь видит его и чувствует – для него не было тайн в Большом Лесу. Но он не спешил убегать; в зеленых глазах не мелькнуло и тени страха. Охотник неслышно протянул руку к ружью.

Пронзительный вороний грай обрушился как гром небесный. В одно мгновение небо почернело от птиц. Огромная орущая стая явилась словно из ниоткуда – и за сто лет Охотник не видел ничего подобного.

Он вскинул ружье. Громыхнул выстрел, но Первозверя и след простыл. Пуля выбила рыжую крошку из ствола сосны. А вороны продолжали кричать.

Урдак

Посреди леса возвышался холм, уродливый, как загноившийся нарыв. Много лет назад в дерево на вершине холма ударила молния. Начавшийся пожар выжег на холме всю зелень, оставив после себя черное пепелище. Землю покрыл толстый слой золы, плотной, как засохшая глина. Лес так и не вернулся сюда. Даже вездесущий иван-чай и тот не стал здесь расти. Но дерево на вершине уцелело: обгорелый скелет с изломанными ветвями. Под деревом лежали кости, ослепительно-белые в черной золе.

Болтая ногами, Урдак сидел на ветке обгорелого дерева и доедал ворону. Черная кровь капала с длинных пальцев и стекала по подбородку, пачкала и без того грязный сюртук. Вороньи перья сыпались с дерева точно диковинные листья.

Урдак ел быстро, громко чавкая и хрустя птичьими костями. Но сколько бы он ни глотал холодное мясо, насытиться он не мог. Жуткий голод, его проклятье, терзал его, будто желудок рвали на части острыми крючьями.

Единственный друг Урдака – мистер Гош – устроился в развилке ветвей у обуглившегося ствола. Потрескавшиеся глаза-пуговицы внимательно следили за трапезой. Мистер Гош – медведь. Плюшевый медведь со свалывшейся шерстью, оторванным ухом и торчащей из швов набивкой. Очень давно Урдак нашел его в Лесу, заблудившегося и потерявшегося. Когда они встретились, Урдак хотел его съесть, но есть там оказалось нечего. И тогда они подружились. Теперь мистер Гош всегда рядом. Он единственный по-настоящему любил Урдака, всегда готов был его выслушать и помочь мудрым советом. Но главное, мистер Гош никогда не просил у Урдака даже крошки, даже самой маленькой косточки. О лучшем товарище Урдак не мог и мечтать.

Птичий череп лопнул в зубах, точно перезрелая ягода. Что-то липкое потекло по подбородку, и Урдак жадно облизнулся, чтобы не упустить и капли.

Лес зашумел под напором ветра, макушки сосен и елей закачались. И в то же мгновение послышался дикий гвалт: сотни, а то и тысячи воронов черной тучей поднялись над деревьями. От неожиданности Урдак выронил недоеденную птицу. Никогда еще он не видел разом столько добычи.

– Вы только взгляните на это, мистер Гош! – проговорил он шипящим и шелестящим голосом. Кончик длинного носа задергался. На костлявом лице сменилась дюжина разнообразных гримас. Будто Урдак не мог выбрать, какую же маску надеть по такому случаю. Мистер Гош остался спокоен.

– Они что-то несут, – сказал Урдак, глядя на птичью стаю. – Что-то белое...

Он вытянул шею, прищурился, а затем отпрянул. Темно-красный язык скользнул по черным губам. Вороны летели на восток, мимо его холма к дому Матушки Ночи. А раз так, значит, и ему туда дорога.

– Слово джентльмена, мистер Гош, начинается что-то интересное! Не хотите ли взглянуть поближе?

Мистер Гош не ответил. Но Урдак знал, что его товарищ полностью с ним согласен. Он нахлобучил на голову смятый цилиндр, а затем ловко, как обезьяна, спустился с дерева и подобрал останки вороны. Обглодал ее до последней косточки. Прежде чем отправляться в дальний путь, никогда не помешает подкрепиться.

Стая

Стая летела на восток. Небо гудело от птичьих криков и шелеста сотен крыльев. Ветер мчался за ней следом, подпевая на тысячу голосов. Прошло уже много лет с тех пор, как Стая последний раз собиралась вместе. Но сейчас на зов своего Короля явились все вороны Большого Леса. Ибо Король дал слово, а слово Короля нерушимо.

Стая вытянулась длинной лентой, от одного края неба до другого, распадалась и вновь сжималась в единый клубок. Она походила на живой смерч, в центре которого белел маленький сверток. Человеческий птенец, крошечная девочка с огромными темными глазами. Она извивалась и кричала, но вовсе не от боли и страха, а от восторга. А иногда девочка начинала смеяться, и тогда все братья и сестры отзывались радостным карканьем. Им нравилось, когда птенец смеялся.

Сверток тяжелый; одной или двум птицам с ним было не справиться, для этого требовалось не меньше пяти воронов. То и дело кто-то из братьев и сестер отпускал ношу, и та начинала падать. Но тут же ее подхватывала новая птица, вцепляясь когтями в белую ткань. Они менялись непрерывно, и лишь одна птица весь полет не разжимала когтей – сам Король Воронов. Как бы сильно он ни устал, как бы ни болели его крылья, он дал слово и должен следовать ему до конца. До самой смерти.

Внизу надрывно стонал лес – темно-зеленый океан без края. У горизонта сгустились лиловые сумерки. Месяц, кривой и белый, как волчий клык, выглянул сквозь прореху в облаках и тут же спрятался обратно, испугавшись приближающейся стаи.

На восток! На восток! Туда, где укрытый вечной тенью стоял дом Матушки Ночи. Так повелел Король Воронов, и никто из рыцарей, вассалов и придворных дам не смел его ослушаться. Сильные крылья со свистом резали воздух. Ветер хлестал колючей моросью, но куда ему против Стаи?

Вдалеке заморгал желтый огонек, одинокий, точно свет маяка в бушующем море. И Стая разразилась приветственными криками, даже их ноша пискляво завопила.

– *Вперед! Вперед! На свет!* – кричали вороны на своем языке, и горячие птичьи сердца бились в унисон.

А в доме Матушки Ночи готовились подать ужин.

Черный Кочегар

Черный Кочегар жил под землей, в подвале под домом Матушки Ночи. В месте, которое зовется Котельная, хотя там нет никаких котлов. Зато там есть огромная печь из неотесанных камней и с открытой топкой, печь, в которой никогда не гаснет огонь. Черный Кочегар внимательно за этим следил. Он сидел напротив печи и, когда приходил срок, огромными горстями бросал в топку уголь.

Уголь хранился в коробе у дальней стены, рядом с темным провалом, уходящим еще глубже под землю. В Котельную его приносили маленькие безволосые существа, с дряблой белой кожей и длинными голыми хвостами. Черный Кочегар звал их подземниками. Уголь – дань, которую они платили Матушке Ночи.

Подземники приходили с заплечными корзинами, доверху наполненными блестящими кусками антрацита. И как можно скорее спешили вернуться обратно в туннели. Они боялись Черного Кочегара, хотя он не понимал почему. Он бы хотел с ними подружиться. Хотел, чтобы они рассказали ему свои подземные сказки, а он бы рассказал им свои... Но подземники не разговаривали с ним, а только пищали как мыши.

На самом деле Черный Кочегар вовсе не черный. Некогда его грузное тело покрывала густая рыжая шерсть, но от угольной пыли и копоти она поменяла цвет, и только закрученные рога остались белыми как мел. Ростом он велик, и если бы не горбился, то задевал бы рогами потолок. Широкая пасть не закрывалась из-за торчащих клыков, дыхание подобно вою ветра в печной трубе.

Черного Кочегара звали Уфф. Но это не имя, просто такой звук издавал уголь, когда он бросал его в топку. Настоящее же имя у него длинное и сложное, и, как Черный Кочегар ни старался, запомнить его не получалось. Только Матушка Ночи знала, как же его зовут на самом деле, но и она не произносила его имя вслух. Когда Хозяйка его навещала, чтобы расчесать длинную шерсть костяным гребнем, она звала его «Милое Дитя».

Прочие жильцы дома Котельную не жаловали. День за днем Уфф сидел один перед огненным жерлом печи. Языки пламени отражались в круглых глазах и сверкали на кончиках белоснежных рогов. Уфф не мог покинуть это место. Он должен был следить за топкой. Нельзя допустить, чтобы огонь погас. Иначе случится что-то страшное. Уфф не знал, что именно, но что-то обязательно случится. Так говорила Матушка Ночи.

Когда ему становилось совсем грустно, Черный Кочегар играл с углем – брал два камня и стучал друг о друга, пока один не расколется. Если угадывал какой именно, значит, выиграл. *Стук-стук-стук...* Это не обычные камни. Если долго всматриваться в блестящие черные грани, то можно разглядеть существ, которых Уфф никогда не видел, и места, в которых никогда не бывал. Матушка Ночи говорила, что это забытые сны. Но Уфф никогда не спал и не видел снов.

Печь задрожала и заурчала, как голодный зверь, намекая, что пора бы ее и покормить. Черный Кочегар поднялся, расправил плечи и принялся за работу. А где-то наверху прогудел гонг, возвещающая о том, что в доме Матушки Ночи начался ужин.

Дом Матушки Ночи

Дом Матушки Ночи притаился в тени гранитной скалы, красным куполом возвышавшейся посреди Большого Леса. Там, куда даже в самый ясный полдень не заглядывает солнце. Густые тени и мягкие сумерки окутывали его, точно пуховым покрывалом. Туман и призраки вились над крышей.

Дом высокий и круглый, как башня. И он похож на все башни разом – изящный и массивный, старый и новый, страшный и уютный. Остроконечная крыша крыта черепицей и дранкой, тонкие печные трубы торчат из нее как грибы-поганки. На шпиле скрипел жестяной флюгер в виде диковинной крылатой рыбы, до дыр изъеденный ржавчиной. Флюгер вертелся безо всякого ветра, и даже сама Матушка Ночи не знала, на что он указывает.

В доме было пять этажей и множество окон и окошек – круглых, квадратных, треугольных... В одних горел свет: где-то маслянисто-желтый, где-то уютно-зеленый, а где и багряно-красный. Но в других окнах царила непроглядная тьма. Кто-то смотрел из нее наружу, но кто именно – не поймешь. Можно лишь почувствовать внимательный взгляд, тот самый, от которого мурашки бегут по коже и волосы встают дыбом.

Лужайка перед домом заросла травой и чертополохом. Узенькая тропинка петляла по ней и бесследно исчезала за оградой, в Большом Лесу. В траве непрерывно кто-то шнырял: кусты чертополоха дрожали, будто от страха, и слышался тихий шорох. Но зверь ли это или кто иной – не разглядеть.

На самом краю владений стоял древний колодец, сложенный из грубо отесанных камней. Только вместо воды в нем плескалось нечто совершенно иное. Воду же брали из скрипучей колонки за курятником. Черные куры гуляли вдоль длинного корыта, привязанные за лапки, чтобы не сбежали и чтобы с ними не случилось чего-нибудь страшного. Еще Матушка Ночи держала кроликов и коз, тоже черных, чернее сажи.

С противоположной стороны дома, за увитой плющом оградой, раскинулся небольшой сад. Деревья там совсем не походили на гигантов из Большого Леса. Тонкие яблони, с перекрученными стволами и изломанными ветвями. Но если смотреть правильно – прикрыв глаза, чтобы задрожали веки и потекли слезы, то деревья представляли в своем истинном обличье. Когда их никто не видел, деревья перешептывались и, бывало, ловили зазевавшихся птиц. А в самой глубине сада высилась каменная баба, с узкими глазами и плоским замшелым лицом, в котором едва угадывались человеческие черты. У нее очень дурной характер и писклявый голос...

Хозяйка дома вышла на крыльцо, держа в руках эмалированную миску с дымящимися кусками жареной рыбы. Из-за приоткрытой двери за ее спиной доносились приглушенные голоса и звон посуды. Ужин был в самом разгаре. Матушка Ночи глубоко вдохнула холодный ночной воздух. Привычно оглядела свои владения. И замерла: что-то пошло не так... Ветер донес хриплые крики: «Кра! Кра!» Все ближе и ближе.

Матушка Ночи подняла глаза и увидела, как на ее дом надвигается клубящаяся туча – несчетное множество черных воронов, собравшихся в огромную стаю. Зрелище жуткое, способное напугать кого угодно, но Матушка даже не вздрогнула. Она бережно поставила миску на землю и осталась ждать на крыльце.

В Общей Гостиной

Каждый вечер жильцы Матушки Ночи собирались за длинным столом. Люди и те, кто только походил на людей, и те, кто на людей был совсем не похож. Диковинные и странные создания, все те, кого судьба или случайность, удача или несчастье, привели в этот дом в сердце Большого Леса.

Жильцы и гости негромко переговаривались, о чем-то спорили или рассказывали истории. Но никто не повышал голос, даже сейчас, когда Матушки Ночи не было в Гостиной. Никто не притрагивается к еде – как можно без Хозяйки? Так уж здесь было заведено. Во главе стола возвышалось деревянное кресло с резной спинкой, точь-в-точь пустой трон в ожидании королевы. И все жильцы и гости тоже ждали. Ожидание растекалось по Гостиной вместе со струйками ароматного пара, из-под крышки фарфоровой супницы, вместе с запахами жареной рыбы и свежей выпечки. Ночной мотылек, одуревший от всех этих ароматов, бился о стеклянный колпак керосинки, подвешенной под потолком. Лампа качалась, и на стенах дома Матушки Ночи танцевали длинные тени.

Доброзлая Повариха шла вдоль стола, раскладывая перед жильцами приборы и поправляя тарелки, чтобы все выглядело чинно и аккуратно. В ответ жильцы благодарили ее, рассыпались в комплиментах. Кто – громко, а кто – едва слышным шепотом. Доброзлая Повариха любила и похвалу, и грубую лесть. Сейчас лицо ее ласковое, толстые губы застыли в улыбке, но нельзя предугадать, когда и почему она может *перемениться*. Если это случится, всем здесь не поздоровится, так зачем же будить лихо?

Доброзлая Повариха идет, как плывет. Огромная и толстая, словно ее накачали воздухом. Ее телеса колышутся при каждом шаге. Грубо тканое платье того и гляди расплывется по швам. На поясе висят ножи – дюжина широких мясницких тесаков. С некоторых она так и не отмыла пятна крови, и жильцы гадали, нет ли тут какого намека. Ножи звенели, ударяясь друг о друга.

Матушка Ночи задерживалась, и это беспокоило Повариху. Она нутром чуяла – все это неспроста. Что-то вот-вот случится... Но она не понимала, хорошее или плохое. Толстые пальцы дрожали от нетерпения. Ее настроение передалось и прочим жильцам. То один, то другой оборачивался и смотрел на входную дверь. Разговоры за столом зазвучали тише, и в какой-то момент вдруг смолкли. Будто у жильцов одновременно закончились все темы для бесед или их сразила внезапная немота. Повисла неловкая пауза – никто не хотел начинать говорить первым.

– Может, я почитаю газету? – предложил профессор Сикорский, лысый старик, с морщинистой цыплячьей шеей и бледно-желтой кожей. Он с надеждой оглядел жильцов, щурясь из-под седых бровей.

– Просим, просим... – зашептали тени с дальнего конца стола.

Профессор Сикорский раскланялся, прижимая руку к груди, но не вставая с кресла-каталки. Трясущимися пальцами он развернул газету на нужной странице и принялся читать:

– Сего дня известный энтомолог, член-корреспондент Академии наук, профессор Оскар Сикорский официально признан погибшим. Тело ученого так и не было обнаружено, но...

Газета была датирована февралем тысяча девятьсот второго года. Шуршащая бумага, казалось, того и гляди рассыплется в прах. Как и сам Сикорский.

– Ты читал это уже тысячу раз, дорогой, – перебила его Доброзлая Повариха. Ее голос тягучий и сладкий, как сливочная тянучка. Но будь она сейчас в другом обличье, профессору пришлось бы несладко.

– Читать свой некролог так же забавно, как побывать на собственных похоронах, – обиженно сказал Сикорский.

Он снова поднял газету – самовлюбленный ворчливый старикашка, но не успел он и рта раскрыть, как из-за двери донеслось оглушительное воронье карканье. Лампа закачалась, будто по ней сильно ударили; крышка с грохотом упала с супницы; тени на стенах закружились. Все жилыцы повыскакивали из-за стола, опрокидывая стулья и роняя тарелки, и гурьбой бросились к выходу. И только Сикорский остался сидеть, размахивая газетой:

– Меня! Вы забыли меня!

Над его головой трепетал крылышками пепельный мотылек. Профессор Сикорский знал, что это за бабочка и как она называется. Но кому это сейчас интересно?

Слово Короля Воронов

Вороны черным смерчем кружили над домом Матушки Ночи. Крылатая рыба-флюгер дрожала на шпиге, напуганная этим явлением. Все знают, что рыбы боятся птиц, от птиц добра не жди. Скрип старой жести тонул в вороньих криках и шелесте крыльев.

Матушка Ночи спустилась с крыльца и прошла на середину двора. Жесткая трава царапала босые ступни, головки чертополоха цеплялись за подол платья, но Матушка Ночи этого не замечала. Она была слишком заинтригована. Она видела, что птицы явились не просто так: они что-то ей принесли.

Жильцы дома высыпали на крыльцо и остановились, не решаясь спуститься. Впереди всех стояла Доброзлая Повариха, ее круглое лицо дрожало мелкой рябью. Повариха была так взволнована, что в любой момент могла *перемениться*. За ее спиной маячил Некто Тоший – тихий человек-птица, с печальным лицом и обрубками вместо крыльев. Все молчали и смотрели на воронов и на Хозяйку дома.

Матушка Ночи подняла одну из рук, протягивая ее к кружащимся птицам. Одна из них камнем упала вниз, лишь у самой земли расправив крылья. Крупный черный ворон крепко вцепился когтями в рукав платья. Не просто ворон – сам Король. С виду его было не отличить от его рыцарей, вассалов и придворных дам. Черные, отливающие синевой перья, черный клюв и черные глаза. Но Матушка Ночи знала, с кем имеет дело.

– Доброй ночи, ваше величество. – Она чуть склонила голову.

– Доброночи! Доброночи! – Ворон забил крыльями. – Почтение! Почтение!

Остальные птицы разразились хриплыми криками. Все братья и сестры, вслед за Королем, спешили выказать почтение Матушке Ночи. Она взмахнула другой рукой, принимая приветствия.

– Что привело вас к моему дому?

Король Воронов немного успокоился. Опустив голову, он взглянул на Матушку Ночи влажным глазом.

– Король дал слово! – каркнул он. – Король заключил сделку! Король просит о помощи!

– О помощи? – Матушка Ночи сдвинула брови. – И чем же я могу помочь вашему величеству?

– Дом! – крикнул Король. – Дом! Приют! Семья!

Он взлетел с руки Матушки Ночи и тут же опустился обратно. Мокрые перья топорщились на загривке. Острые когти вонзились в запястье Матушки почти до крови.

– Птенец! Возьми птенца!

Другие птицы спустились ниже, чтобы она могла забрать у них белый сверток. И сразу отлетели, боясь слишком долго оставаться рядом. Только Король остался на месте.

– Птенца?

Матушка Ночи подняла сверток. Он оказался довольно тяжелым... и он был живой. Она услышала, как стучит крошечное сердечко и как бежит по венам кровь. Матушка Ночи развернула белую ткань.

Младенец... Всего несколько месяцев от роду. Девочка. Она спала, зажав во рту большой палец. Черные волосики словно приклеили к макушке. От ребенка пахло теплым молоком и печеньем. Но Матушка Ночи услышала еще и запах огня и гари, запах дождя и смерти. Кончиками пальцев она дотронулась до щеки младенца и одернула руку, будто обожглась. Ребенок заворочался.

– Ну, здравствуй, *вороненок*. Добро пожаловать в *мой* дом.

И услышав ее, девочка открыла глаза. Черные, как у самой Матушки Ночи, только живые.

Урдак наблюдает

Урдак притаился в густом подлеске рядом с домом Матушки Ночи. Все еще снаружи покосившейся ограды, но прежде он не подбирался к этому месту так близко. От собственной храбрости голова шла кругом, его трясло как в лихорадке, волосы на загривке шевелились. Ему ничего не стоило одним прыжком перемахнуть через решетку и оказаться *по ту сторону*. Там-то уж точно найдется чем набить желудок... Но Урдак был достаточно благодарен, чтобы не идти на поводу у своих желаний. А может, он слишком боялся Матушку Ночи. Пока еще боялся.

Урдак сидел на корточках, кончиками пальцев опираясь о палую листву. Сгорбленная фигура, более тень, чем кто-то живой. Фалды сюртука волочились по земле, смятый цилиндр то и дело сползал на лоб. Полчаса назад Урдак поймал в кустах пузатого крапивника и слопал его, не успела птица даже пикнуть. Теперь пестрые перышки прилипли к костлявому подбородку, словно у него выросла куца козлиная борода.

Мистер Гош, верный друг и помощник, выглядывал из-за ворота сюртука. Урдак рассеянно гладил плюшевого медведя по макушке, приговаривая:

– Вы видите это, мистер Гош? Видите?

Он встряхнул своего друга, и мистер Гош кивнул. Разумеется, он все видит, пусть даже глаза-пуговицы болтаются на гнилых нитках.

Дом Матушки Ночи лежал перед ними как на ладони. Из укрытия Урдак видел двор, заросший сорняками, и саму Хозяйку. Матушка Ночи – высокая и тощая, кожа да кости, есть там совершенно нечего. Сгорбившись, она разглядывала некий белый сверток. Черные вороны кружили хоровод над ее головой. О! Как бы он хотел посворачивать этим птицам шеи и впиться зубами в трепещущую плоть! Но настоящий джентльмен должен держать себя в руках.

Матушка Ночи что-то сказала – Урдак увидел, как шевельнулись ее губы, – однако за птичьими криками не разобрал ни слова. Он вытянул шею и жадно принюхался. Пучки сальных волос над ушами задрожали. Легкий ветерок донес запахи мокрой травы и птичьего помета – явление такой большой стаи не проходит бесследно. Но вовсе не эти запахи хотел услышать Урдак. Он продолжал тянуть носом воздух, пока наконец среди многих ароматов не нашел тот, который искал. Нежный, теплый, сладкий... И от этого запаха рот у него тут же наполнился слюной и желчью.

– Там что-то вкусное, мистер Гош... – прошелестел Урдак, на полшага подбираясь ближе к ограде. – И я хочу это.

Мысленным взором он уже видел маленькие белые косточки, чувствовал терпкий вкус крови на языке. Вечный голод подстегнул его как плетью. Урдак пополз дальше, не спуская глаз со свертка в руках Матушки Ночи. Ему казалось, он слышит биение крошечного сердечка – эхо его стучало в ушах, как барабанная дробь, отзываясь дрожью во всем теле.

Колючая плеть ежевики вцепилась в запястье, острые шипы оцарапали кожу. Урдак отпрянул. Мотнувшаяся голова мистера Гоша ударила его по горлу, и он остановился. Недоуменно посмотрел на медведя, а мгновение спустя улыбнулся.

– Да, вы правы, мистер Гош. Время еще не пришло...

Урдак сплюнул горькую слюну. Голод кислотой жег желудок, но любую пытку можно вытерпеть, если помнить о награде, которая ждет в конце. А пока... Длинная рука метнулась в темноту. Пальцы сомкнулись на крошечном тельце зазевавшейся землеройки, одним движением сломав зверьку хребет. Урдак проглотил добычу целиком, мучительным усилием, но ничуть не боясь подавиться.

Подняв взгляд, он увидел, как флюгер проворачивается вокруг оси. На голове крылатой рыбины устроились два ворона, еще полдюжины скакали по черепице. Урдак облизнулся.

– Когда-нибудь этот дом будет моим. Слово джентльмена, мистер Гош, все это будет моим.

Имя для вороненка

– Какая же она хорошенькая! – Доброзлая Повариха склонилась над младенцем и погладила круглый животик толстым пальцем. Ногти у Доброзлой Поварихи подстрижены очень коротко, а подушечки пальцев мягкие, как черный бархат. Ее прикосновение легче дыхания свежего ветерка душной летней ночью.

Девочка пискнула, ей было щекотно. Розовые веки чуть припухли, а зрачки такие огромные, что за ними не разглядеть белки и радужку. В черных глазах отражалось лицо Матушки Ночи – бледное, точно зимний месяц.

– Давненько у нас не было детей, – проговорила Матушка. – Я уже и забыла, как это.

Девочка лежала у нее на руках, но Матушка Ночи держала ее неуверенно. Как вазу из костяного фарфора, которая того и гляди рассыплется на грудю хрупких черепков. По лицу не скажешь, но Матушка Ночи была растеряна.

Жильцы дома столпились вокруг хозяйки. Всем хотелось взглянуть на странный дар Короля Воронов. Некто Тоший тянул длинную шею, заглядывая через плечо Доброзлой Поварихи, и методично качал головой то ли в знак одобрения, то ли предчувствуя грядущие беды. Бесплотная тень прошла сквозь тело Матушки Ночи и сквозь младенца и растаяла облачком дыма. Едва слышный голос, тише последнего вдоха, прошептал:

– Живое сердце... Горячая кровь... Очень горячая...

Но его перебил недовольный скрип профессора Сикорского:

– А как же я? Покажите мне!

Матушка Ночи обернулась, и жильцы дома расступились перед Хозяйкой. Перед ней предстал Сикорский – на лысой макушке, крапчатой от старческих пятен, золотились капли ночного дождя.

Сикорский елозил по креслу-каталке, хватаясь за подлокотники, будто хотел подняться и поприветствовать маленькую гостью стоя, как и подобает вежливому мужчине. Но он был слишком стар, и ноги его не держали. Клетчатый плед сполз с колен и запутался в спицах колеса.

Матушка Ночи шагнула к старику, протягивая ему девочку. Некоторое время тот разглядывал ее, нагнувшись так низко, что почти задевал малышку крючковатым носом.

– Фи... – наконец протянул Сикорский. – Девчонка! Намучаемся мы с ней, помяните мое слово. От девчонок одни неприятности.

Голос его прозвучал сердито, будто обещанные неприятности уже начались. Но от взгляда Матушки Ночи не ускользнуло, как нервно и часто задержалась его щека.

Девочка вертела головой, оглядывая собравшихся. Будь она старше, она бы испугалась. Наверняка бы испугалась. В толпе диковинных созданий было кого бояться: здесь хватало и клыков, и когтей, и светящихся красных глаз. Но девочка была слишком мала. В ее глазах светилось лишь изумление и любопытство.

– А как ее зовут? – спросила Доброзлая Повариха и пощекотала малышку под подбородком, как котенка. Девочка попыталась схватить ее, но палец оказался для нее слишком большим. – У ребенка должно быть имя.

– Имя? – отозвалась Матушка Ночи.

Она посмотрела на Короля Воронов, пританцовывающего на краю навеса над крыльцом. Это же он принес ребенка, может, ему его и называть? Но у воронов все имена звучат одинаково, и едва ли они подойдут девочке. Сикорский приподнялся на кресле и хотел что-то сказать, но в последний момент прикусил язык. «Имя... имя...» – зашелестели невидимые тени.

– Так как же зовут тебя, вороненок?

– Уа... уа! – позвала девочка, протягивая ручонки к Матушке Ночи и к Лесу за ее спиной.

И Лес ответил. Резкий порыв ветра растрепал волосы Матушки и швырнул что-то в ладошку девочки. Она тут же сжала кулачок, но Матушка Ночи разжала ее пальцы. В руке у девочки лежал острый серебристо-зеленый лист – подарок Большого Леса.

– Ива, – сказала Матушка Ночи, подняв лист двумя пальцами.

Так они ее и назвали.

Первый встречный

– Девочка хочет есть, – заявила Доброзлая Повариха. – И она может простудиться. Надо отнести ее в дом. Я согрею молока.

Будь ее воля, она бы уже давно забрала ребенка из рук Матушки. Но идти против Хозяйки в этом обличии она побаивалась. В другом же обличии глаза ей застилал кровавый туман, и она не понимала, что творит.

– Рано, – сказала Матушка Ночи. Она стояла лицом к темной стене Большого Леса и чего-то ждала.

Доброзлая Повариха проследила за ее взглядом. Лес за покосившейся оградой шумел тяжело и устало. Он рос здесь еще в те времена, когда землю сковывали ледяные шапки, а перепуганные люди прятались в пещерах, жгли костры и делали каменные наконечники для стрел. Он рос здесь и много раньше, когда никаких людей не было и в помине, а звери были так велики, что доставали до неба.

В сгустившейся темноте уже не разглядеть отдельных деревьев. Осталась лишь черная стена, отгородившая дом от остального мира. О чем-то тоскливо крикнула ночная птица: «*Кай-оуу!*», бесшумной тенью заметалась летучая мышь.

– Что значит «рано»? – нахмурилась Повариха.

– Должно случиться кое-что еще. Таков порядок вещей.

– Кто-то должен прийти из Леса? – догадалась Повариха.

– Да, – кивнула Матушка Ночи. Она пригладила черные волосики на челке у Ивы, а когда девочка попыталась схватить ее за палец, легонько щелкнула малышку по носу.

Повариха кудахтнула, будто огромная темнокожая курица-наседка, и надула толстые губы.

– Добрые люди не ходят ночью по лесу. Ох! Конечно, мадам, я не вас имею в виду... – Она вздрогнула, и огромные ножи на поясе отозвались металлическим лязгом.

Матушка Ночи словно бы ничего не услышала. Бездонными глазами она смотрела на лесную чашу.

– У девочки должен быть крестный. Тот, кто станет заботиться о ней и научит ее тому, чего мы не знаем. Кто-то не из этого дома. Первый встречный.

– А! – протянула Повариха. – Это такая история...

В зарослях ежевики Урдak заворочался, услышав эти слова. Заботиться? Уж он-то сумеет позаботиться о младенце. На четвереньках он стал подбираться к дому. Косточки, маленькие белые косточки и теплое сердце... Мистер Гош вцепился в колючую ветку и отказался ее отпускать. От злости Урдak чуть не оторвал своему другу лапу, но в то же мгновение из леса появилась высокая темная фигура и зашагала к воротам. Урдak тут же вжался в землю. В который раз мистер Гош спас его от беды. Как он мог сомневаться в своем друге?

Охотник...

Ворота распахнулись сами собой, со скрипом, от которого ломило зубы. На бледном лице Матушки Ночи появилась едва заметная улыбка.

– Приветствую тебя, Хозяйка! – Охотник поднял руку.

В ночи он больше походил на дикого зверя, чем на человека. Огромный, лохматый, глаза блестят в темноте. Сделав два шага от ворот, Охотник остановился, опираясь на длинное ружье, как на посох.

– Мы ждали тебя, – сказала Матушка Ночи.

– Это он?! – зашептала Доброзлая Повариха. – Да разве девочке...

– Первый встречный, – сказала Матушка Ночи, и Повариха смолкла.

– Ждали? Я шел за воронами. Эти чертовы птицы спугнули мою добычу!

Он смачно сплюнул под ноги.

– Я три дня выслеживал Зверя! – продолжил он, и в голосе прозвучала обида. – А когда тот был так близко, что я мог схватить его за рог, эти вороны...

– Вороны привели тебя в нужное место и в нужное время, – сказала Матушка Ночи.

Она вдруг оказалась рядом с Охотником, словно перенеслась к нему по воздуху. И только тогда Охотник заметил, что она держит в руках. Он отпрянул от нее как от огня, будто никогда в жизни не видел младенцев.

– Что это?! Кто...

– Это Ива. А ты – первый встречный. Ты знаешь, что это значит.

– Но это же девочка! – Охотник обернулся на темнеющий за спиной лес. Ива тут же схватила его за длинную бороду, давая понять, что никуда он от нее не сбежит. Матушка Ночи тихо засмеялась.

– Ты должен сделать ей подарок. Такие правила.

– У меня же ничего нет...

Охотник покосился на ружье, затем на нож, который сделал из камня.

– Ничего такого, что можно подарить девчонке.

Матушка Ночи прищурилась, и под ее взглядом Охотник переступил с ноги на ногу. В Большом Лесу он встречал таких чудищ, каких не увидишь в самых страшных снах. Он выходил один на один против черного медведя, когда искал себе жену. Он дрался с Червем на болотах и видел Первозверя... Но сейчас, быть может, впервые в жизни, по его спине забегали мурашки.

– Посмотри получше.

Охотник захлопал себя по груди и по бедрам: пороховница, кожаный мешочек с кремнями... Пальцы нащупали что-то вытянутое и твердое. И он вытащил пожелтевший зуб, длинной с его мизинец. Матушка Ночи медленно кивнула.

– Это клык Первозверя, – сказал Охотник, вкладывая зуб в крошечную ладошку. – Много лет назад я добыл его в жестокой схватке.

И Ива сжала подарок так сильно, словно собралась никогда в жизни не отпускать его.

Вязание Матушки Ночи

В доме Матушки Ночи было тихо. Праздничный ужин, устроенный в честь Ивы, черноглазого вороненка, закончился, и жилицы разбрелись по комнатам. За столом остался только Охотник, да и тот уже клевал носом над кружкой с остывшим глинтвейном. Доброзлая Повариха убирала посуду и косилась на сгорбившуюся фигуру, облаченную в грязные шкуры. От одежды Охотника поднимался пар и воняло потом и лесом, тиной и диким зверем. В его тарелке лежали разгрызенные кости, а кое-что застряло в бороде. Охотник не признавал столовых приборов – похлебку он хлебал из миски, мясо рвал руками. Ну чему он может научить девочку?

Маленькая Ива спала в деревянной колыбели у ног Матушки Ночи, едва слышно вскрикивая во сне. В ладошке она сжимала клык Первозверя – тот еще подарок от крестного.

И только Матушка Ночи не смыкала глаз. Как, впрочем, и всегда. Устроившись на своем кресле-троне, она вязала цветное покрывало. Костяные спицы постукивали друг о друга в сложном сбивающемся ритме. От спутанного клубка тянулись длинные нити, уже в руках хозяйки меняя цвет. Красный, зеленый, желтый... Словно Матушка Ночи вязала радугу. Клубок у ее ног подпрыгивал, как живой.

– Так что же ее ждет? – спросила Повариха, присаживаясь на стул рядом. Старое дерево заскрипело под ее весом.

Матушка Ночи обождала с ответом. Спицы застучали быстрее.

– Жизнь, – наконец сказала она, вплетая в покрывало белую нить. – Большая радость и большое горе...

Теперь нить была черной.

– Любовь и смерть, чудовища и чудеса... Верные друзья и верные враги. Сны и кошмары наяву. Большая Охота...

На этих словах Охотник вскинул голову и посмотрел на нее внимательными глазами цвета еловой хвои.

Разноцветные нити сплетаются вместе. Работа спорится, и вот в руках Матушки Ночи уже готовое покрывало, переливающееся всеми цветами, которые можно вообразить. Взмахнув им над головой, Матушка укрыла спящую девочку. Ива повернулась на бочок и принялась сосать палец.

– Приключения и опасности. Они идут за ней, как собаки взявшие след. Они всегда будут ходить за ней по пятам, и не от всех мы сможем ее защитить... Это долгая история. Немногие из нас доживут до ее конца.

В подвале под домом Черный Кочегар бросил в топку очередную горсть угля и захлопал в ладоши, когда пламя вспыхнуло малиновым и зеленым. А снаружи, за оградой, Урдок тихонько подвывал от голода.

Глава 2

Кленовый сахар

– *Ива!!!* – Громогласный рев сотряс дом Матушки Ночи. – Ива! Немедленно выходи, маленькая мерзавка!

Рожденный в дымных недрах Кухни, рев вырвался наружу. Раскатами грома прокатился по комнатам, лестницам и коридорам. Где-то захлопали ставни, где-то посыпалась штукатурка. А рев продолжал метаться по дому, заставляя жильцов вздрагивать и озираясь, а кое-кого – прятаться в темных углах или под кроватью. Он добрался до самого верха, ударился изнутри о крышу, перепугав мышей, призраков и Китайских Младенцев на чердаке, а затем по трубам вернулся на Кухню. Развешанные на стенах кастрюли, котлы и сковородки отозвались колокольным перезвоном. Фаянсовая тарелка раскололась пополам и упала на пол.

– Ива!!! Только попадись мне, воронье отродье! – ревела Повариха. – Поймаю – выпотрошу как курицу!

Повариха взмахнула тесаком, и с блестящего лезвия сорвались три черные капли крови. Она и в самом деле потрошила курицу до того, как *переменилась*. Руки ее были по локоть в потрохах и перьях. Ну и откуда Ива могла знать, что для того, чтобы приготовить злосчастную курицу, Поварихе понадобится кленовый сахар? Кто вообще готовит курицу с сахаром?

Ива на четвереньках проползла за плитой. Чумазая мордашка, вся в саже, на мгновение выглянула из укрытия и спряталась обратно. *Кажется, не заметила...* Есть в доме места, куда Поварихе вовек не добраться. Местечки, где худенькая пятилетняя девочка могла переждать бурю, которую сама же и породила. Или дожидаться, когда домой вернется Матушка. Но на сей раз ей досталось не самое удобное укрытие. И не самое надежное... Из жестяной банки, которую Ива прижимала к груди, она вытащила желтоватый кристалл кленового сахара и затолкала в рот. От приторной лесной сладости заломило зубы.

Что же делать-то?!

Если Повариха ее поймает, она ведь взаправду может ее выпотрошить. Даже если она вернет сахар, это ничего не изменит. Ива любила Повариху, но девочка отлично знала, что в этом обличье та не может себя *контролировать*. Этому слову ее научил старик Сикорский – он часто употреблял мудреные словечки, хотя его ученица не всегда понимала, что они означают.

– Прячься, прячься! Я все равно тебя найду и высосу мозг из твоих костей! Я чую твой запах...

Доброзлая Повариха стояла посреди Кухни и дышала глубоко и громко. Будь они на улице, из ее ноздрей клубами бы валил пар. Глаза покраснели от застилавшей их крови. В уголках рта пенилась слюна, капая на тяжело вздымавшуюся грудь. Лицо Поварихи, в другом обличье темно-коричневое, как лесной орех, сейчас было молочно-белым. Даже курчавые черные волосы и те побелели.

Ива сжалась в комочек, изо всех сил стараясь не дышать. Сердце колотилось быстро-быстро – лишь бы этот стук ее не выдал... Кусочек сахара во рту все не кончался.

Топая башмаками Повариха прошла по Кухне. Разбитая тарелка захрустела под тяжелыми подошвами.

– Ива... – на сей раз голос Поварихи прозвучал вкрадчиво. – Ивонька, девочка моя, выходи. Я тебя не обижу...

Ива только сильнее втянула голову в плечи. Уж она-то знала, когда Повариха по-настоящему добрая, а когда – притворяется. Да и прикидываться долго у нее не получится. Стоило об этом подумать, как Повариха взревела:

– Выходи сейчас же, мелкая дрянь!

Она изо всех сил ударила по стене. Кастюли, котлы и сковородки загрохотали. Вся Кухня содрогнулась, и от этого толчка одна из стенных панелей за плитой вдруг отскочила, открыв темный проход. Может, вентиляционную шахту, может, что-то еще, но главное – в самый раз для маленькой девочки. Ива чуть не вскрикнула от радости. Вот оно! Путь к спасению. И как всегда – в самый последний момент. Будто дом играл с ней в смертельно опасную, но жутко увлекательную игру.

Извернувшись ужом, Ива поползла в сторону открывшегося прохода. Она понятия не имела, куда он может ее привести, но сейчас это не имело значения. Она протиснулась в узкий туннель и поползла вперед, в темноту. Жестянка с сахаром скрипнула, задев за каменную кладку.

– Вот ты где!!! – взревела Повариха.

Одним рывком она отшвырнула плиту в сторону. Повариха и в добром облиии была женщиной не слабой, когда же менялась, ее силы утраивались.

Ива обернулась. В светлом прямоугольнике возникло перекошенное белое лицо. Из красных глаз Поварихи текли кровавые слезы. Затем жуткое лицо исчезло, и на его месте появилась огромная ладонь. Повариха как могла вытянула руку, пытаясь схватить девчонку, но Ива уже уползла достаточно далеко и до нее было не дотянуться. Повариха взывала от ярости и досады.

Ива ползла так быстро как могла, не останавливаясь и не замечая ссадин на коленках. Чихая от пыли и паутины, которые лезли в нос. Все дальше и дальше, в темноту. Не потому, что боялась, что Повариха сможет ее достать – страх отступил легко, словно его и вовсе не было. Но интересно же посмотреть, что там в конце туннеля?

Смотри внимательно

Две фигуры стоят в круге желтого света от керосиновой лампы. Высокая женщина с бледным и красивым лицом мраморной статуи и маленькая девочка в ядовито-зеленом дождевике и нелепых резиновых сапожках. Идет дождь – мелкий, колючий и жесткий. Еще немного, и он превратится в снег. Крошечные капли сверкают, точно в воздухе развеяли золотую пыль.

Женщина держит девочку за руку. Чем-то они похожи: у обеих прямые черные волосы и внимательные черные глаза. Только девочка – человек, а женщина – кто-то еще.

Женщина осторожна и скупа в движениях. Каждый поворот головы, каждый взмах одной из шести рук изящен, выверен и точен. А девочка не может и секунды устоять на месте. Подпрыгивает, вертится, пританцовывает... То замирает с открытым ртом, то принимается ковырять в носу.

– Смотри внимательно, – говорит Матушка Ночи, – и запоминай. С той стороны ограды – Большой Лес. Для тебя там слишком опасно, и ходить туда тебе нельзя.

На гнутой дуге ограды сидит крупный ворон. Он забавно дергает головой, будто крупный комок встал ему поперек горла, и бросает в сторону девочки и женщины настороженные взгляды.

– Никогда-никогда? – спрашивает Ива. Она еще глотает буквы, и у нее получается что-то вроде «никогда-никогда».

– До тех пор, пока не научишься быстро бегать, – отвечает Матушка Ночи.

– А я умею быстро бегать, – заявляет девочка. – Быстро-быстро-быстро!

В подтверждение своих слов она пару раз подпрыгивает на месте. Брызги летят из-под сапожек.

– Конечно, милая, – улыбается Матушка Ночи. – Но этого недостаточно.

Девочка хмурится, отчего ее лицо выглядит не по-детски серьезным и строгим.

– А когда будет достаточно? Как быстро надо бегать?

– Быстрее камня, – говорит Матушка Ночи.

Ива смеется. Она, конечно, многого не понимает, но кое-что знает об устройстве мира.

– Камни не бегают!

– Правда? – Матушка Ночи поднимает с земли гладкий камень размером с яйцо. Подбрасывает на ладони и ловит.

Ворон срывается с насеста и перелетает на соседнюю дугу ограды. Женщина приветствует его кивком. Ворон отвечает тем же.

– Конечно, – кивает Ива. – У них нет ножек!

– Ну, тогда обгони его!

Матушка с размаху швыряет камень. Девочка срывается с места. Пробегает несколько шагов и падает, растянувшись на мокрой траве. Камень давно исчез в темноте двора.

Когда Ива поднимает голову, лицо ее вымазано в грязи. На скуле темнеет ссадина. От обиды девочка того и гляди расплачется.

– Мне подставили подножку! – Голос дрожит. – Ты видела-видела? Они подставили мне подножку!

– Кто, милая? – ласково спрашивает Матушка Ночи.

Девочка оглядывается по сторонам. Рядом никого нет, только кусты чертополоха дрожат на ветру. С резных листьев осыпаются блестящие капли. Но она ведь видела! Маленькие и озорные мордашки, похожие на бурые колючие соцветия, мелькнувшие в высокой траве. Тонкие лапки точно сухие веточки. Ей же не почудилось?

– *Чертополохи!* – шепчет Ива. И на мгновение ей мерещится хихиканье.

Матушка Ночи опускается перед ней на корточки. Берет за острый подбородок и вытирает лицо рукавом платья. Ива морщится, когда Матушка дотрагивается до ссадины.

– Вот видишь, – говорит Матушка Ночи. – Ты должна быть очень внимательна и осторожна. И должна научиться бегать так, чтобы никакой чертополох, никакие коряги и кочки не могли тебя остановить... Быстрее камня.

Ворон на ограде громко каркает и хлопает крыльями.

– А ты моя настоящая мама? – вдруг спрашивает девочка.

Матушка Ночи кивает:

– Здесь и сейчас.

Как мотылек на свет

Туннель, казалось, никогда не кончится. Ива ползла и ползла, а впереди не виднелось даже проблеска света. Наверное, она уже обогнула весь дом по кругу... А может, это никакая не вентиляционная шахта, а самый настоящий подземный ход? И он выведет ее наружу в Большой Лес?

В туннеле было тепло и сухо. Воздух такой спертый, словно кто-то скомкал его и затолкал сюда точно вату, плотную, шершавую, мягкую. Пахло плесенью, а от пыли свербело в носу и слезились глаза. Что-то маленькое и невесомое упало на шею и быстро-быстро пробежало за шиворот, перебирая тоненькими лапками. Паук? Ива задержалась, но больше от неожиданности, чем от испуга – пауков она не боялась, – и пребольно ударилась головой о потолок.

– Вот гадство! – выдохнула девочка, потирая шишку на макушке. Раз рядом нет взрослых, то можно и ругаться. Все равно никто не услышит.

Мысль эта пронзила ее раскаленной спицей. *Не услышит...* А если с ней что-то случится? Если она здесь застрянет? Никто не сможет прийти на помощь, и никто никогда ее не найдет! Ива зажмурилась, представляя, что будет дальше. Она превратится в высохшую мумию со сморщенной кожей. Пауки будут выводить паучат в ее пустых глазницах, а она будет лежать и клацать зубами в вечной темноте. Такую мумию (картинку) Ива видела в одной из книжек профессора Сикорского, и она произвела на нее впечатление. А может, от нее и мумии никакой не останется? Только горстка праха, перемешанного с пылью. Или она станет призраком, тенью, скользящей по комнатам и коридорам дома Матушки Ночи...

Ива задумалась. Раз так, может, не стоит ползти дальше? Остановиться сейчас, подождать немного, а потом вернуться тем же путем? Можно свернуться клубочком и уснуть. А когда она проснется, Матушка уже вернется домой, и Доброзлая Повариха сменит обличье... Ива уставилась вперед, в непроглядную темноту. Ну уж нет! Если она остановится сейчас, то никогда не узнает, что же впереди. Тем более что впереди... Впереди...

Ива прищурилась. Паучок под одеждой прополз вдоль позвоночника, перебрался на ребра. Ива задержала плечами и снова стукнулась о стенку туннеля. Щекотно же!

А далеко впереди вспыхнул и погас крошечный, с булавочную головку, огонек. Точно самая маленькая звездочка в паутине ночных созвездий. Но теперь-то Ива знала, что там что-то есть. Перехватив банку с кленовым сахаром, девочка уверенно поползла дальше.

Время тянулось медленно, как густая патока. Ива ползла, наверное, целую вечность, а далекий огонек не становился ближе. Он мигал то желтым, то рыжим, то красным. Будто нерешительный светлячок, который никак не может выбрать, каким светом ему светить. Девочка устала, у нее болели руки и ноги, спину ломило, а уж сколько она набила шишек – не сосчитать. Но Ива не собиралась отступать. Далекий огонек звал ее, как ночного мотылька зовет пламя свечи. Да и упрямства, в свои пять лет, ей было не занимать.

И в конце концов огонек сдался. Начал расти, превращаясь в четко очерченный, ярко-рыжий прямоугольник. В туннеле стало жарче; показались стены, сложенные из потрескавшегося кирпича. После непроглядной темноты перед глазами заплясали разноцветные пятна, точно стеклышки из разбившегося калейдоскопа.

– Уфф!

Впереди взметнулось пламя. Горячий ветер дыхнул в лицо. Ива отпрянула, пряча лицо в ладонях, и заверещала что есть мочи. Она не хотела, но так уж вышло. Банка с сахаром покатила по полу.

Горящий проем тут же исчез, и на его месте возник блестящий глаз, круглый, как у совы. Отблески пламени дрожали в черном зрачке.

– Кто здесь? – проревел голос, густой и низкий. Иву словно ударили по голове пуховой подушкой. – Здесь кто-то есть?

Девочка сжалась, не в силах произнести и звука. Она и вдохнуть-то не могла. Огромный глаз моргнул.

– Выходи, – прогудел тяжелый голос. Еще чуть-чуть, и у Ивы бы лопнули барабанные перепонки. – Выходи. Я... Я тебя не боюсь! Ты же меня не обидишь, правда?

Читай по слогам

Язычок пламени трепещет под закопченным колпаком. Профессор Сикорский ворчит и тянет руку к керосиновой лампе, чтобы подкачать давление. При каждом движении поршня раздается протяжный скрип. Иве кажется, что это скрипят заржавевшие старческие кости. В свете лампы кожа Сикорского блестит, как покрытая лаком. Старик молчит, уставившись на огонь. Ива, совсем маленькая в огромном кожаном кресле, молчит вместе с ним.

– Не отвлекайся, – говорит Сикорский, вздрагивая так, будто пробудился ото сна. – Еще раз сначала. Читай по слогам. Латынь можешь пропустить...

На коленках у Ивы лежит большая книга в засаленном переплете. Тяжелая, как кирпич. Из корешка торчат красные нитки; Ива едва сдерживается – хочется дернуть за одну и посмотреть, как она распустится. Ведя пальцем по строчкам, девочка начинает читать, громко проговаривая каждый слог. Она умеет читать куда быстрее, целыми словами и предложениями, но старик ждет от нее другого, и ей неохота его расстраивать.

– *Сов-ка Ав-ро-ра.* – Ива переводит дыхание. – *Круп-ная пе-щер-ная ба-бо-чка, оби-таю-щая...*

На правой странице изображение этой самой совки – некрасивой бабочки, с толстым мохнатым тельцем и крылышками, рванными по краям, будто ее подрала кошка.

– Что такое «аврора»? – отрывается от чтения Ива.

Профессор Сикорский дергается, однако же берет себя в руки.

– Аврора есть атмосферное явление, иначе называемое полярным сиянием. Небесное свечение, наблюдаемое в высоких широтах...

Видя, что девочка его не понимает, Сикорский поджимает губы, а затем пытается объяснить попроще:

– Северное сияние. Вроде светящейся радуги, которую можно увидеть над Северным полюсом. У нас это редкое явление.

– А... – Ива переводит взгляд на картинку бабочки. Рваные крылья пестрят всеми оттенками серого, но она совсем не похожа на светящуюся радугу. И кроме того...

– Вы любили радугу?

– Что?

– В начале книги написано: *«Моей любимой Авроре от папы. Пусть жизнь твоя будет легка, как полет...»*

Договорить она не успевает. Сикорский с силой бьет линейкой по раскрытой странице.

– Не отвлекайся! – Голос его дребезжит. – Еще раз – читай по слогам. Сначала.

И Ива снова начинает читать:

– Совка Аврора. Крупная...

Краешком глаза она подглядывает за профессором. Сикорский ее не слушает, только кивает на каждый звук. Взгляд водянистых глаз устремлен в окно. Тонкие губы едва заметно шевелятся, словно профессор с кем-то разговаривает и этот кто-то вовсе не Ива.

Сикорский плохой учитель, а сейчас он даже не старается. Но Ива этого не понимает. Она видит совсем иное: тайну, которую профессор пытается от нее скрыть. Тайну, спрятавшуюся в узоре на крылышках *совки Авроры*. Когда-нибудь Ива ее разгадает, хочет того старик или нет.

Пламя керосиновой лампы дергается, и бабочка на странице взмахивает крыльями.

Тот, кто живет в подвале

Обижу?

От страха Ива дрожала как лист на ветру, что не помешало ей удивиться. Маленькая слабая девочка – ну кого она может обидеть? Даже пауки ее не боятся. А тот, кто подждал ее в конце туннеля, был куда больше любого паука. Ива представила жуткое чудище, с пастью такой ширины, что оно могло проглотить ее в один присест. Проглотить и не заметить.

Огромный глаз продолжал тарашиться в проем. Он моргнул, а затем сдвинулся вправо. Пахло сажей и паленой шерстью.

– А ты сам меня не обидишь? – решилась заговорить Ива. Собственный голос показался до противного писклявым.

В ответ раздалось громкое пыхтение. Так пыхтел, закипая, черный котел на кухне у Доброзлой Поварихи, когда та готовила ужин.

– Уфф не обидит! Уфф хороший, Уфф обещает...

Ива прикусила краешек губы. Ладно, раз обещает, почему бы и не поверить на слово?

– Только ты отойди подальше, – крикнула она. – Тогда я, может, и вылезу.

Про себя она подумала, что это очень ловкий ход. Матушка не зря хвалила ее за сообразительность. Если чудовище отойдет, у него не получится схватить Иву на выходе из туннеля. Она вполне успеет оглядеться, и если что, юркнет обратно.

– Уфф отойдет, – запыхтело чудище. Глаз отодвинулся, а затем послышались тяжелые и мягкие шаги. – Уфф отошел...

Хотя коленки и тряслись, Ива собрала всю смелость и поползла вперед. Когда она выглянула, то увидела длинную комнату с кирпичными стенами. Видимо, какой-то подвал – Ива не заметила ни единого окошка, лишь маленькую дверцу с лестницей. Прямо напротив выхода возвышалась печь, сложенная из тяжелых камней. Широкая труба упиралась в потолок, а в распахнутой топке полыхало пламя. Угли светились густым красным цветом, как солнце на закате.

Воздух в подвале дрожал от жара, от невидимого дыма защипало глаза. Ива прищурилась, продолжая оглядываться. Ну? И где же чудище, с которым она разговаривала? У печки? В то же мгновение ее пробил озноб: ей показалось, будто в пламени мелькнула живая тень – длинное лицо, застывшее в немом крике, поднятая вверх рука... Тень вытянулась и струйкой дыма унеслась в трубу. Все случилось настолько быстро, что Ива не могла сказать, было ли это на самом деле или же ей померещилось.

– А ты маленькая, – прозвучал тягучий бас. – Если маленькая, тогда Уфф не боится!

Ива обернулась на голос:

– Уфф?

Чудище на полшага отступило от стены. Оно честно выполнило условия сделки и сейчас стояло в дальнем конце комнаты. Правда, разделявшее их расстояние оно могло преодолеть за пару шагов. Девочка уставилась на него во все глаза. Монстр ответил тем же: вытаращился на нее, будто именно Ива и была чудовищем.

Он был *большой*... Выше Матушки Ночи, выше крестного и выше Доброзлой Поварихи. Ива ни капельки не ошиблась, вообразив, что он может проглотить ее одним глотком. Так и есть – проглотит и не подавится. В распахнутой пасти желтели длинные клыки.

Чудище смотрело на Иву с любопытством и в то же время испуганно. Пусть оно и сказало, что не боится, было видно, что это неправда. Боится, и еще как – ничуть не меньше, чем Ива боится его самого.

Едва девочка это поняла, ей стало так смешно, что она прыснула, прикрыв рот ладошкой. Только удержать смех не удалось, и она громко расхохоталась. Ну, кто бы мог подумать! Такой

большой монстр, а испугался пятилетней девчонки! Должно быть, из-за лохмотьев паутины, запутавшихся у нее в волосах.

Круглые глаза монстра стали еще больше. Чудище принялось озираться, словно искало, нет ли поблизости места, где можно укрыться. Но прятаться было негде, и оно осталось на месте, переминаясь с ноги на ногу. Толстые когти на мохнатых лапах заскребли по полу.

Прошло, наверное, минуты три, прежде чем Ива наконец успокоилась. Она перебралась ближе к выходу и села на краю, вытирая кулаками слезящиеся глаза. А затем, склонив голову набок, весело спросила:

– А что ты здесь делаешь?

Держи крепче

Охотник сидит на крыльце и, пожевывая травинку, смотрит, как его крестница носится по двору. Ива играет с подарком, который он принес ей из Леса. Три дня ушло у него на то, чтобы его сделать – маленький лук с плечами из рябины и тетивой из лосиных жил. Еще два дня он делал стрелы: оперение из утиных перьев переливается зеленым и синим. Охотник очень старался и, пока мастерил лук, умудрился глубоко порезать палец. Но, глядя на то, как светятся глаза у девчонки, он думает, что плата не так уж и велика.

Охотник мог бы войти в дом и погреться у очага, а если Повариха в настроении, то ему еще и перепадет что-нибудь вкусненькое с Кухни. Но под крышей и в четырех стенах Охотник чувствует себя не в своей тарелке. Лучше уж здесь, под открытым небом. Пусть он и не в Большом Лесу, но отсюда он видит, как ели и сосны машут ветвями, словно зовут его вернуться обратно. В непролазную чащу, туда, где по скрытым тропам одиноко бродит Первозверь.

Ива бежит по двору как заведенная. И откуда в таком маленьком человечке столько энергии? Иногда она останавливается, натягивает тетиву и стреляет и тут же несется следом за стрелой. Подмерзшая трава хрустит под резиновыми сапожками. Только чудом девчонка не падает и каждый раз, спотыкаясь, принимается размахивать руками и хохотать. Стрелять из лука у Ивы не получается. Стрелы летят куда угодно, но не туда, куда она целится. Хорошо еще, Охотник не стал приделывать наконечники – рано еще давать девчонке настоящее оружие. Всему свое время.

Ива неумело прилаживает стрелу, держа ее двумя пальцами и что есть силы натягивает тетиву. Для нее лук туговат, но пусть тренируется. Тетива звонко шелкает по рукаву дождевика. На этот раз стрела летит почти на десять детских шагов – дальше, чем ей когда-либо удавалось. Ива кричит от радости и скачет на месте.

– Подойди сюда, – говорит Охотник. Он расправляет плечи, громко хрустя костями.

Ива настороженно смотрит на крестного. Время к зиме, и в черных волосах и в бороде искрятся первые снежинки. Девочка хмурится, словно боится, что Охотник станет ее ругать за плохой выстрел. Но тот и не думает сердиться.

– Ты все делаешь неправильно, – говорит Охотник. – Ты слишком спешишь, а в этом деле нельзя торопиться. Но главное – держи крепче.

– Крепче? Вот так?

Ива сжимает рукоять так сильно, что у нее белеют костяшки пальцев. Изогнутые плечи лука ходят ходуном. Охотник качает головой:

– Крепче не значит сильнее. Ты держишь лук как палку. Не сжимай его так, будто хочешь его сломать. Расслабь руку... Мягче, мягче...

После должных объяснений ему удастся втолковать Иве, чего он от нее хочет.

– А теперь вытяни руку и стой.

– Просто стоять? И все?

– Представь, что ты дерево, а лук – это одна из твоих веток.

Вытянув руку, девочка замирает посреди двора. Мысленно охотник начинает считать: *раз, два, три...* Не успевает он добраться и до пяти, а Ива уже пританцовывает на месте. Того и гляди начнет скакать, как заяц. Лук дрожит в слабой детской руке.

– Не шевелись, – говорит Охотник. – Стой и не дергайся. Ты – дерево.

– Но... – в голосе Ивы слышится обида. – Матушка говорит, что в Лесу надо быстро бегать. А деревья не бегают!

– Твоя Матушка – мудрая женщина, – кивает Охотник. Он не уверен в слове «женщина», но насчет «мудрая» у него нет сомнений. – Но порой быстро бежать это значит стоять на месте. Дыши ровнее: вдох, выдох... Опять ты скачешь!

– Но я хочу стрелять! – хнычет Ива. – Просто стоять неинтересно!

– Вдох, выдох... Выстрелить ты успеешь, вороненок, но прежде научись правильно держать оружие. Держи крепче.

Сказки камней

Опираясь о крошащийся кирпич, Ива вылезла из туннеля. Пол оказался высоко, пришлось прыгать, а когда она приземлилась, то под ногами захрустели кусочки угля. Ива посмотрела на темный проем. Теперь без посторонней помощи ей не выбраться. Только через дверь, но, чтобы до нее добраться, надо пройти мимо чудища.

Уфф топтался у стены. Широкие ноздри дрожали, и каждый выдох звучал точно завывание ветра.

– Ну? И что ты здесь делаешь? – повторила Ива, пряча страх за строгостью тона. – Раньше я тебя не видела. Ты не приходил на общий ужин.

– Уфф не ходит наверх, – запыхтело чудище. – Уфф – кочегар, он следит за огнем. Нельзя, чтобы огонь погас.

Наверху лютовала зима, но в подвале было очень жарко. Ива пробыла здесь совсем недолго, а одежда уже промокла от пота. Глаза щипало, мокрая челка прилипла ко лбу, на кончике носа повисла большая капля. Ива вытерла лицо ладонями, а когда посмотрела на руки, они оказались черными от сажи. Слишком жарко... И как такое мохнатое чудище все это терпит?

– А почему нельзя, чтобы огонь погас? – спросила она.

Уфф принялся беспокойно озираться. Похоже, он не знал ответа или никогда над ним не задумывался. Когда же вопрос прозвучал, он поставил его в тупик.

– Так говорит Матушка...

– А! Понятно. – Ива шагнула к чудищу, протягивая ему руку. – Я Ива. Матушка Ночи – моя мама.

Уфф уставился на протянутую ладонь, не понимая, что делать дальше. Ива вновь расхохоталась. Звонкое эхо ее смеха заметалось по подвалу: со стен осыпалась копоть, пламя задрожало в печи и отразилось в огромных глазах Уффа.

– Теперь мы должны пожать руки. Так делают все друзья. Мы же друзья?

– Друзья?

Очень осторожно, бочком, чудище шагнуло к девочке и подняло лапу. Когти у него были как костяные ножи – Уфф мог проткнуть ее одним пальцем. Только Ива не испугалась. Еще чего – бояться когтей! Крошечная ладонь утонула в мохнатой лапе.

– Друзья, – повторил Уфф. – Это Матушка Ночи тебя прислала?

– Не, – девочка замотала головой. – Я сбежала от Поварихи. Она переменялась и хотела меня съесть. А я от нее уползла. Что это за место?

– Котельная... А когда придет Матушка?

Ива пожала плечами:

– Не знаю. Хочешь сахару? Я у Поварихи стащила. – Она встряхнула жестяной банкой, и та отозвалась многообещающим стуком. Чудище вздрогнуло, да так, что на мгновение его скрыло облако черной пыли.

– Что такое сахар?

– Да ты что?! – вытаращилась на него Ива. – Неужели не пробовал? В самом деле?

Уфф покачал головой. Белые рога почти задевали потолок. Он выглядел таким печальным, таким грустным, что у Ивы сердце защемило от жалости. Жуть какая: живет один, в грязном подвале и никогда в жизни не пробовал сахара! Она открыла крышку банки и вытащила самый большой кусок, размером с ее кулак. Желто-коричневые грани заискрились в свете печи – не просто красивый камень, так еще и бесконечно вкусный.

– Вот, держи. – Ива была доброй девочкой, и ей было ни капельки не жалко поделиться сокровищем.

Уфф взял кусок сахара двумя пальцами и поднес к самому носу.

– Это желтый уголь? – спросил он. – Что с ним делать? Бросить в печь? Но тут нет историй.

– Каких еще историй? Это просто сахар. Положи его в рот.

Уфф продолжал разглядывать кусок сахара, вертя его то так, то эдак. Затем перевел взгляд на девочку.

– В рот?

– Ну да! Какой же ты глупый!

Ива топнула ногой, и Уфф с перепугу тут же кинул сахарную голову в пасть. И крепко зажмурился, будто с ним должно было случиться что-то страшное. Но ничего не произошло. Уфф приоткрыл один глаз.

– Ну как? – спросила Ива. – Понравилось? Хочешь еще кусочек?

– Не знаю, – протянуло чудище.

Ива надула губы. Вообще-то она ждала бурных восторгов.

– Как не знаю? Это же сахар, он сладкий!

– В желтом угле нет историй. – Чудище покачало головой. – Уфф не чувствует вкуса... Хочешь вкусный уголь?

Он протопал к деревянному ящику и зачерпнул из него щедрую горсть угля, из которой выбрал один камень. Свою находку он протянул девочке, а остальные бросил обратно.

– Вот здесь хорошая история. Вкусная.

Ива вытаращилась на великана:

– Ты что, ешь камни? Они же несъедобные!

– Уфф ест забытые сны. Так говорит Матушка Ночи.

Ива замотала головой:

– Какие еще сны? Это же просто камни.

– В каждом камне есть сказка, – сказал Уфф. – Надо ее увидеть. Посмотри...

Ива взяла кусок угля. Несмотря на жар в подвале, камень был холодный, как льдинка. В ладонь вонзились крошечные иголки.

– И куда смотреть?

– В камень...

Ива нахмурилась, но все же сделала, как просило чудище. Она таращилась на камень так долго, что у нее заслезились глаза. Но разглядела только отблески пламени на гладких гранях.

– Ты меня обманываешь! – не выдержала Ива. – Здесь ничего нет! Никаких сказок. Так нечестно!

– Уфф не обманывает! Уфф никогда не обманывает! Брось камень в огонь.

Станные дела творились в этой Котельной. Ива шагнула к топке и с размаху швырнула в нее кусок угля.

– Уфф! – раздалось из печи.

– Смотри...

Рыжий язычок пламени осторожно лизнул камень, пробуя его на вкус. И в то же мгновение уголь загорелся. Дыма не было, но в огне Ива заметила черную тень – она заметалась в пламени и исчезла. Птица? Еще одна тень взлетела вверх. Ива заметила ее лишь краем глаза, но ей показалось, что тень похожа на ворона, расправившего крылья.

– Это была сказка про птиц? – прошептала она.

– И про птиц тоже, – отозвался Уфф.

Ива опустила на корточки перед топкой, глядя на то, как огонь пожирает уголь. И на тени, которые мелькали то здесь, то там. В колышущихся языках пламени ей мерещилось что-то еще. Что-то очень важное, о чем она когда-то знала, но потом забыла. В голове не осталось и следа от воспоминаний. Но они сохранились здесь, в этих камнях и в этом пламени.

Лишь огромным усилием Ива смогла отвести взгляд. Уфф стоял рядом – большой, страшный и в то же время маленький и беззащитный.

– А ты научишь меня слушать сказки камней?

Не зевай

– И-и раз!

Доброзлая Повариха подбрасывает огромный ком теста, ловит его на лету и с размаху швыряет о стол. Удар у нее такой силы, что ком расплзается в лепешку. В воздух поднимается мучное облако. Повариха собирает тесто, мнет его толстыми пальцами и снова подбрасывает.

– И-и раз!

Ива, поджав ноги, сидит на табурете в уголке Кухни и смотрит, как Повариха готовит ужин. Зрелище завораживает, Ива может наблюдать за ним часами. Ей кажется, что она попала в сердце огромного сложного механизма. Крошечная песчинка внутри гигантских часов, того и гляди ее раздавят крутящиеся шестеренки. Но снаружи ведь ничего такого не увидишь?

Повариха делает тысячу дел одновременно. Ни секунды она не стоит на месте, она везде и всюду. Вот она месит тесто мускулистыми руками, а мгновение спустя уже стоит рядом с кипящим котлом и помешивает там огромной поварешкой, затем она кидает что-то на раскаленную сковородку... Все звенит, пытит, бурлит и скворчит – сотни разнообразных звуков сливаются в удивительную кухонную симфонию. Повариха ведет ее, как умелый дирижер, заставляя одни инструменты звучать громче, другие тише, меняя темп и ритм. А иногда и сама начинает при-топывать да пританцовывать, звенеть кастрюлями и сковородками. Ива этого не знает, но на самом деле все это джаз.

Лицо и руки Поварихи белые от муки, сразу и не поймешь, в добром ли она обличье или успела перемениться. Но улыбка у нее широкая, от уха до уха, а значит, все хорошо. Крупные зубы переливаются перламутром. Капельки пота разрисовали ее щеки извилистыми дорожками. Завтра – первый день зимы, и в доме Матушки Ночи будет праздник. Повариха старается вовсю, чтобы он удался на славу. Придут гости, многие – издалека, и она не хочет ударить в грязь лицом.

Повариха замирает перед огромным котлом, в котором пузырится бледно-желтое варево, и швыряет туда щедрую горсть молотого перца. И тут же оглушительно громко чихает, да так, что вся мука осыпается с ее лица, и оно вновь становится благородного цвета лесного ореха. *Апчих!* От неожиданности Повариха замирает с открытым ртом. Сейчас она похожа на огромную и очень удивленную жабу.

Ива хохочет и стучит себя ладонями по коленкам, подхватывая кухонный ритм. *Так смешно!* А мгновение спустя что-то мягкое и липкое шлепается на макушку. Ива замолкает. Подняв руку, она снимает с головы кусок мокрого теста. Возмущению ее нет предела:

– Эй! Так нечестно!

– А ты не зевай! – весело кричит Повариха. – Зазеваешься – мигом окажешься в котле!

– И ты сваришь из меня суп?! – в притворном ужасе Ива закатывает глаза. – Не ешь! Не ешь меня!

– Не сегодня, девонька моя, – отвечает Повариха. – Не сегодня. Но помни: в Большом Лесу хватает тех, кто не прочь полакомиться такой хорошенькой девочкой. *Ам!* Даже косточек от тебя не останется!

Оказавшись рядом с Ивой, Повариха треплет ее за щеку и уносится дальше, захваченная круговоротом кухонных дел. Там посолить, там поперчить, здесь отбить мясо, тут замесить тесто – и как она везде успевает?

– А ты была в Большом Лесу? – спрашивает Ива. Сколько она себя помнит, Повариха ни разу не выходила за ограду.

Повариха замирает и смотрит на девочку так внимательно, что той становится не по себе. Ива елозит на табурете, того и гляди протрет дырку на юбке.

– Была, – наконец говорит Повариха. – Давно. Еще до того, как пришла в этот дом. Доброму человеку там нечего делать.

Тут бы стоило прикусить язык, но Ива не может сдержаться:

– А злему?

Повариха стоит напротив разделочной доски, на которой лежит толстая рыбина с зеленой чешуей. В руке у Поварихи блестит широкий тесак. Одним ударом она отсекает рыбине голову; нож глубоко вонзается в дерево. Повариха вытирает руки о передник.

– А злых людей там и без меня хватает. Ты, главное, не зевай...

Забывтые сны

Пока Уфф искал подходящие камни, Ива в нетерпении расхаживала по Котельной. Чего он так возится? На ее взгляд, все камни были абсолютно одинаковыми – бери любой. Но Уфф пыхтел и сопел, с громким скрипом ворочал уголь, выискивая что-то особенное.

– Ой! – сказала Ива, останавливаясь у дальней стены. – У тебя здесь дыра!

В ответ раздался грохот и шорох осыпающегося угля. Чудище так увлеклось разглядыванием камней, что не услышало девочку.

«Дыра» походила на вход в пещеру. Часть кирпичной кладки осыпалась, а сразу за ней начинался узкий проход, уводящий под землю. Свет печи освещал лишь крошечный пятachок у входа да неровные стены, из которых по трещинам сочилась вода. Присмотревшись внимательнее, Ива разглядела некое подобие лестницы: пару высеченных в камне стертых ступеней. Интересно, а кто по ним ходит? Точно не Уфф. Чудищу сюда не протиснуться даже боком. Ива потерла кончик носа и сунула голову в туннель. Из темноты повеяло сырым ветром, и Ива сразу поняла, что он явился из таких подземных глубин, какие ей и не снились. Дом Матушки Ночи оказался гораздо больше, чем она себе представляла.

– Эй! – крикнула Ива в проход, но голос прозвучал глухо, будто она кричала, зажав рот подушкой. В ответ не раздалось даже эха. А что будет, если она туда зайдет? Она потрогала носком башмака краешек каменной ступени и снова позвала:

– Э-эй?

– Они не придут, – прозвучал за спиной голос Уффа. Чудище стояло рядом, сжимая в мохнатой лапе большой кусок угля.

– Кто не придет?

– Подземники, – ответил Уфф. – Те, кто приносит уголь...

– А почему они не придут?

– Угля много. – Чудище указало на ящик. – Когда уголь кончится, они принесут еще, а когда уголь есть, они не приходят. Подземники боятся Уффа.

– Какие глупые! – возмутилась Ива. – Уфф совсем не страшный!

Тут она малость покривила душой, но ей хотелось сказать чудищу что-нибудь приятное. Может, Уфф и страшный и клыки у него длиннющие, но на самом-то деле он добрый. А эти подземники ничего не понимают. Ива решила, что надо наведаться в Котельную еще раз, когда угля в ящике останется совсем мало, и посмотреть на обитателей подземелий. Надо узнать, кто они такие, но сама спускаться в туннель она побаивалась.

– Уфф нашел хороший камень, – сказало чудище. – Уфф будет учить Иву смотреть забывтые сны.

– И как же это делается? – спросила девочка, беря кусок угля двумя руками. Он оказался тяжелым; не ожидая такого подвоха, Ива едва не уронила камень себе на ногу.

– Ива глядит в камень. Ива ждет, и камень с ней говорит.

– Просто смотреть? – поморщилась Ива. – И все? Ты меня не разыгрываешь?

Уфф удивленно моргнул. Наверное, он и слова такого не знал – «разыгрывать». Ну, ладно...

Ива села на пол, положила камень на колени и уставилась на него широко раскрытыми глазами. Разумеется, как и в первый раз, она ничего не увидела. Но она была девочкой упрямой и сдаваться не собиралась. Если внутри этих углей в самом деле таилось что-то важное, она узнает это.

Сидеть и смотреть в одну точку оказалось не легче, чем ползти по вентиляционной шахте. Но она помнила, чему ее учил крестный: если надо ждать – запасись терпением и жди. Иначе вспугнешь добычу. Еще надо дышать глубже... От напряжения, с которым Ива всматривалась

в камень, у нее разболелись виски. Пот щипал глаза. К тому же от жары Ива совсем разомлела и ее клонило в сон. Она моргнула – раз, другой... Встрепенулась, стряхивая сонливость, и тут же снова стала клевать носом.

– Уфф... – ухнула печка. Волна горячего воздуха лизнула лицо.

Ива резко открыла глаза. Неужели все-таки заснула? Уфф стоял рядом и тяжело дышал – молчаливая черная громада, со светящимися глазами... Ива снова уставилась на камень и вдруг, к своему удивлению, действительно разглядела что-то внутри.

Поначалу это была крохотная светлая точка. Она суетливо металась в глубине. Но не внутри камня, а где-то еще, словно кусок угля был всего лишь окошком в другое место. Точка медленно приближалась. Ива задержала дыхание, боясь ее испугнуть. Неужели это и есть забытый сон? Ива наклонилась ниже и...

С громким треском камень раскололся и что-то светлое рванулось ей навстречу. Ива заверещала, замахала руками, защищаясь от неведомой угрозы, и задела ладонью что-то легкое и невесомое. Она резко отпрянула, в изумлении глядя на существо, заматавшееся по подвалу.

Бабочка... Крупная бабочка с рваными крыльями. И Ива знала, как она называется, пусть раньше видела ее только на картинке. *Совка Авроры*.

Скользнув над головой, бабочка метнулась к дыре в стене и исчезла, будто ее и вовсе не было. Из тьмы во тьму. Ива вскочила: лицо ее пылало, руки дрожали.

– Ты это видел? Видел, видел?!

– Что видел? – спросил Уфф.

Подойди ближе

Гудит тетива, и стрела летит белой молнией. Но совсем не туда, куда целится Ива. Сильно правее. Цепляет оперением кусты чертополоха и падает в двух шагах от ограды.

– Вот гадство! – говорит Ива. Шепотом, чтобы ее не услышал никто из взрослых. Она играет во дворе одна, но у многих жильцов Матушки Ночи слишком чуткие уши. А Ива не хочет, чтобы ей вымыли рот с мылом.

Из дома не доносится ни звука. Лишь старый флюгер на крыше скрипит, словно плачет. Убедившись, что все в порядке, Ива идет за стрелой. Ничего... Она еще научится стрелять так, что крестный будет ею гордиться. А может быть, он даже возьмет ее на Охоту. Ива дотрагивается до клыка Первозверя и воображает, будто именно ей суждено подстрелить хозяина Большого Леса. Правда, она совсем не понимает, зачем это нужно делать.

Дыхание вырывается облачком морозного пара. Зима уже наступила, но снега еще нет. Наохлившиеся куры бродят вокруг пустого корыта и даже не кудахчут. Лужица воды под ржавой колонкой покрылась тонкой коркой льда.

Ива сердится не только из-за плохого выстрела. Скорее бы уж выпал снег, белый и пушистый... Не то чтобы Ива любила снежные зимы, но такая недозима ей нравится еще меньше. Как если бы Матушка начала рассказывать сказку и вдруг замолчала на середине. Так и хочется сказать: ну а дальше что?

Ива подходит к ограде и подбирает стрелу. Проводит по ней пальцем, расправляя оперение. Еще выстрел? Но, немного подумав, она убирает стрелу в берестяной колчан – тоже подарок крестного.

С решетки свисают бурые плети плюща. Сколько еще ждать, прежде чем они вновь распустятся пышной зеленью? По меркам Ивы, целую вечность. Без плюща ограда выглядит жалко, какие-то ржавые палки, воткнутые в землю. На некоторых сохранились острые наконечники, но это скорее исключение. И кого такая ограда может удержать? Кто угодно может без труда пролезть между прутьями. Да и зачем лезть? Достаточно один раз пнуть, и ограда сама упадет.

Лес по ту сторону выглядит на удивление тихим. Густой, темный... Иней искрится на длинных сосновых иглах и тяжелых еловых лапах. Лес вовсе не спит, как может показаться. Скорее он затаился. Ждет, когда ты зазеваешься, и вот тогда он тебя схватит и утащит в чащу, где и разорвет на части. От этой мысли у Ивы по спине бегут мурашки. Лес манил ее, но ничуть не меньше он ее пугал, пусть она никому и никогда в этом не признается.

Вдоль ограды щетинятся шипами голые кусты ежевики. Без листвы они выглядят так, будто кто-то свалил кучей сухой хворост. Одинокий коричневый листок дрожит на ветке, как крошечная ладошка, которая так и зовет подойти поближе. Но не успевает Ива сделать шаг к ограде, как замечает что-то еще – какие-то ветки сломаны, палая листва под ними примята, а на одном из шипов висит комочек серой ваты. Ива не умеет читать следы, как ее крестный, но тут и так все понятно: кто-то ходил вокруг дома день или два назад. И это был не дикий зверь.

Ива присматривается и замечает еще следы: пару коричневых перьев, должно быть, принадлежавших воробью, белую косточку... Интересно, кто это был? Вряд ли кто-то из жильцов дома, им-то что здесь искать? Засохшие ягоды?

Ива делает еще полшага к ограде. Может, стоит рассказать об этом Матушке? Тут она мотает головой. Матушка наверняка и без нее все знает. В этом доме ничего не происходит без ведома Хозяйки. А раз так, то нечего бояться.

Слева раздается хруст сломанной ветки. Ива оборачивается, вскинув лук так, будто это обыкновенная палка. Там, где мгновение назад никого не было, стоит высокий человек в грязной одежде и мятой шляпе. Цепкими глазами он смотрит на Иву. И быстро облизывается.

– Здравствуй, девочка, – говорит незнакомец. Голос его шелестит. Он улыбается, но в улыбке совсем нет радости.

Ива глядит на него и не понимает – откуда он появился? Не материализовался же из воздуха – на привидение он не похож. Но как можно подкрасться незамеченным по таким буеракам?

– А ты кто? – спрашивает она.

Человек оглядывается, словно боится, что за ними подглядывают. Убедившись, что все в порядке, он касается пальцами полей мятой шляпы.

– Я – последний настоящий джентльмен...

Лицо у настоящего джентльмена неприятное. Кажется, что в нем костей куда больше, чем полагается. И эти кости постоянно двигаются, причем независимо друг от друга. Кончик длинного носа дергается, будто незнакомец чувствует какой-то гадкий запах, но не может понять, откуда он доносится.

– Что такое «джентльмен»? – спрашивает Ива.

– Подойди ближе, и я тебе покажу, – улыбается незнакомец. Ива замечает, что между зубами у него застряло что-то темное. Похожее на маленькое перышко. И вместо того, чтобы подойти ближе, она отступает от ограды. Незнакомец даже не пытается скрыть досады. Лицо его кривится, острые кости еще сильнее выпирают на скулах.

– Подойди, не бойся, – шипит он, так что Ива сразу понимает, что испугаться будет нелишним. Может, стоит развернуться и со всех ног бежать в дом? Так быстро, как ее учила Матушка... Но Ива остается стоять.

– Смотри, что у меня есть, – говорит незнакомец. Из-за пазухи он достает желтого плюшевого медведя и машет им, вытянув руку. – Это мистер Гош. Хочешь с ним поиграть?

– Поиграть?

Незнакомец так энергично кивает, что, кажется, все кости у него в голове поменялись местами. Вторя ему, плюшевый медведь машет лапой. Черные глаза-пуговицы болтаются на нитках.

– Мистер Гош знает много интересных игр. Правда, мистер Гош?

Плюшевый медведь кивает. Вернее, это незнакомец пальцем наклоняет его голову. Ива не верит ни единому слову этого человека. И делает шаг к ограде.

– Ближе, девочка, – шелестит незнакомец, облизываясь. – Ближе...

– *Кра! Кра!*

Огромный ворон камнем падает с неба. Сбивает шляпу с головы незнакомца и уходит на новый вираж. Вскинув голову, незнакомец шипит на птицу, как змея. Но ворона этим не напугать.

– *Кра! Кра! Кра!*

В доме Матушки Ночи хлопает ставень. Слышатся голоса.

Незнакомец хватает с земли свою шляпу. В два прыжка он выбирается из зарослей ежевики на опушку леса. Ворон продолжает нарезать круги у него над головой. Незнакомец оборачивается к девочке и отвешивает поклон.

– Скоро увидимся, вороненок! Слово настоящего джентльмена, скоро увидимся!

И он исчезает в лесу.

Дурной поступок

– А ты придешь еще? – прогудел Уфф.

Чудище смотрело на Иву так жалобно, что ей захотелось подойти к нему и обнять. Зарыться лицом в мягкий мех. Пусть он грязный от угольной пыли и пропах гарью, но и она сама вся запачкалась. Если испачкается еще больше, никто не заметит. Однако Ива осталась стоять на ступеньках лестницы, ведущей из Котельной.

– Конечно, приду! Мы же друзья!

– Друзья, – отозвался великан. – Раньше у Уффа не было друзей. Одни камни...

На этих словах Ива вздрогнула. *Камни...* На самом деле – много больше, чем просто камни. Гораздо больше. И сейчас один из этих камней она прятала под платьем. Ива прижимала его рукой, чтобы не упал, надеясь, что это выглядит незаметно.

Камень был размером с большое яблоко. Ива стащила его, когда Уфф отвернулся, чтобы подбросить угля в топку. Схватила, не глядя, и спрятала под одеждой, не думая о том, зачем она это делает. Она ведь могла просто попросить, и вряд ли чудище ей отказало бы. Но вместо этого Ива совершила *дурной поступок*. Уфф же ее друг и обманывать его нечестно. Иве казалось, что холодный кусок угля вот-вот прожжет ей платье. Или того хуже – дыру в животе.

Но ей был нужен этот камень. Она обязана раскрыть его тайну, и Уфф ей в этом не помощник. Он даже не увидел вылетевшую бабочку, а когда Ива попыталась объяснить, что произошло, ничего не понял. Он думал, что Ива сама разломила кусок угля пополам – будто у маленькой девочки хватит на это сил! Нужно скорее вернуться наверх и там, в своей комнате, хорошенько изучить камень, предварительно заперев все двери и окна. Вдруг там прячется еще одна совка Авроры? То-то доктор Сикорский обрадуется, когда Ива принесет ему живого мотылька!

– А когда ты придешь? – спросило чудище.

– Завтра? – Ива почесала затылок. – Если получится.

– Завтра – это скоро?

– Завтра – это завтра, – ответила Ива. – После обеда, если меня отпустят.

– Уфф будет ждать...

– Ага. До встречи!

Она взбежала по лестнице. Металлические ступени гулко отзывались на ее шаги. И только добравшись до двери, Ива вдруг сообразила, что лестница эта такая маленькая и хрупкая, что чудищу по ней не забраться. Что же получается – он вообще не выходит из Котельной? Так и сидит здесь перед печкой? И как давно? Надо бы расспросить об этом Матушку, но... В другой раз.

– Пока-пока! – Ива обернулась и помахала Уффу на прощание. Чудище глянуло на свою ладонь, затем нерешительно подняло лапу и помахало в ответ.

Железная дверь оказалась не заперта. Ива приоткрыла ее и выбралась в узкий коридор. На мгновение остановилась, прислушиваясь к голосам дома: скрипу старого дерева, причитанию ветра в вентиляционных шахтах, шуршанию невидимых существ в стенах... Где-то над ее головой хлопнула дверь и послышались тяжелые шаги. Откуда-то донеслась короткая мелодия, сыгранная на скрипке, хотя никто из жильцов дома на скрипке не играл. Воздух здесь был куда свежее, чем в Котельной, и Ива вдохнула его полной грудью, чувствуя странное облегчение. словно все это время на нее давило что-то тяжелое, а потом вдруг исчезло безо всякой причины.

Ива вытащила украденный камень, осмотрела его со всех сторон и спрятала обратно. Теперь дело за малым: пробраться в свою комнату, чтобы никто не остановил ее и не стал выяснять, где она пропадала целый день. Ива прислушалась – не доносится ли каких звуков из

Кухни, но все было тихо. Наверное, Доброзлая Повариха переменялась обратно и спит сейчас непробудным сном, как всегда после приступов. Да и Матушка, скорее всего, уже вернулась домой... Правда, Иве совсем не хотелось с ней встречаться. Не сейчас – прежде нужно привести себя в порядок.

Неслышно, как мышка, Ива побежала вверх по коридору. Удачно избежала встречи с Неким Тошим: человек-птица в одиночестве бродил по дому и что-то искал. Ива спряталась от него за толстым гобеленом, а когда Некто Тоший скрылся из виду, проскользнула на второй этаж. Дальше, до своей комнаты, она добралась без приключений. Открыв дубовую дверь, Ива вошла внутрь и облегченно выдохнула: вот и конец ее маленькому приключению.

В то же мгновение сильные пальцы схватили ее за плечо и сжали так сильно, что у Ивы слезы брызнули из глаз.

– Попалась, маленькая чертовка. – Доброзлая Повариха склонилась к самому ее уху. Ива почувствовала горячее дыхание и услышала резкий кислый запах. Огромные зубы клацнули в темноте. – Думала, что сможешь от меня спрятаться?

И вот тогда Ива завизжала изо всех сил.

Спи спокойно

Ива лежит в кровати, натянув разноцветное одеяло до подбородка. Ей давно пора спать, но сна у нее ни в одном глазу. Шипит керосиновая лампа, отбрасывая на стены бледные тени. За окном кружат крупные снежинки и липнут к стеклу, точно диковинные бабочки. Из постели Ива видит бледно-голубой месяц, покачивающийся на макушке темной ели. Звезды перемигиваются в угольно-черном небе.

Матушка Ночи сидит рядом, на краю кровати. Что-то вяжет – клубки скачут по полу, спицы тихонько стучат. А еще она рассказывает Иве сказку. Страшную. Голос у Матушки Ночи мягкий и добрый, но от каждого слова у Ивы мороз по коже. Порой она прячется под одеялом, но тут же снова выглядывает. Пусть сказка и страшная, зато жутко интересная.

– ...И тогда волк впился девочке зубами в горло и сломал ей шею. Она даже пикнуть не успела. Волк оттащил ее к себе в логово, там ее и съели.

– Какой плохой волк! – говорит Ива.

– Девочка тоже виновата. – Матушка Ночи пожимает плечами. – Раз пошла одна в Большой Лес, нечего было так наряжаться. Красный не цвет для Большого Леса. И неплохо сперва научиться бегать. А волк накормил своих волчат. Иначе они бы умерли с голоду.

– Но так нечестно! – возмущается Ива. – Волк бежал по короткой дороге, поэтому он ее обогнал!

– Почему же тогда девочка сама не побежала по короткой дороге?

Ива хмурится:

– Она про нее не знала!

– Правильно, – кивает Матушка Ночи. – И это тоже ее ошибка. Невозможно знать все тропинки в лесу, но нужно уметь их чувствовать. Прежде чем идти одной в Большой Лес, ты должна быть уверена, что всегда сможешь найти короткую дорогу. Тогда ты никогда не заблудишься и сможешь обогнать любого волка.

Ива продолжает хмуриться.

– Нет, – наконец заявляет она. – Это неправильная сказка. У сказки должен быть хороший конец. Пусть в конце придет Охотник и подстрелит противного волка!

– Ох, девочка моя, – вздыхает Матушка Ночи. – Твой крестный не всегда может оказаться рядом: лес – слишком большой для него одного. Он может прийти слишком поздно... Тот, кто собрался в Большой Лес, должен уметь и сам за себя постоять.

– А я умею! – сердито говорит Ива. – Я умею стрелять из лука, и у меня получается!

– Конечно получается, – улыбается Матушка Ночи. – Ты способная девочка. Когда-нибудь ты будешь стрелять лучше, чем твой крестный. Тебе это пригодится.

Она проводит рукой по одеялу, расправляя коричнево-зеленую складку.

– А когда? – спрашивает Ива.

– Подрасти немножко, – отвечает Матушка Ночи. – Всему свое время.

– А это время – скоро? – не сдается Ива. – Крестный сделал мне наконечники для стрел, но мне их не отдает. Говорит, что я еще маленькая. Но я уже совсем не маленькая!

– Скоро? – Матушка Ночи склоняет голову и на долгую минуту задумывается. Ее черные глаза широко открыты, но кажется, она ничего не видит. Взгляд устремлен в пустоту и дальше. – И да, и нет. Сейчас ты можешь подумать, что нужно ждать целую вечность. Но на самом деле время пролетит так быстро, что ты и не заметишь.

– Скорее бы уже оно пролетело, – бурчит Ива.

– А сейчас тебе пора спать. И без разговоров!

Матушка Ночи щелкает Иву по носу. Та и не думает спорить, вот только...

– Мне опять приснился кошмар, – говорит она. – Вчера.

– Кошмар?

– Мне приснилась большая рыба. Но она не совсем рыба – у нее лицо точь-в-точь как у человека. И длинные черные волосы. Она живет в глубоком-преглубоком озере. Мне приснилось, что я пришла к тому озеру и эта рыба стала меня звать. И я зашла в воду... А потом я не помню – все стало черным-черным и я проснулась.

Матушка Ночи молча собирает спицы и нити и откладывает в сторону.

– Мне и раньше снилась эта рыба, – говорит Ива. – Я ее боюсь...

Матушка Ночи кивает:

– Не бойся снов, девочка моя. Уж о них-то я смогу позаботиться. Пока я с тобой, тебе нечего бояться.

Она тянется к керосиновой лампе и поворачивает вентиль. Комната погружается во тьму.

– Спи спокойно, – говорит Матушка Ночи. – Я посижу рядом.

Боль и слезы

Повариха крепко сжала плечо Ивы – еще немного, и сломает ключицу. Боль была адская. Девочка брыкалась изо всех сил, но что она могла сделать против огромного сопящего чудовища? Закричать и то не получилось – из горла вырвался тоненький писк, не громче мяуканья котенка.

– Кричи, кричи, – проревела Повариха, брызжа слюной. – Зови не зови – никто тебя не услышит, маленькая мерзавка, никто тебе не поможет...

Она отпустила Иву, но лишь затем, чтобы схватить ее за ворот. Легко, будто тряпичную куклу, она подняла ее, так что лицо Ивы оказалось напротив белой физиономии. От встряски зубы Ивы громко лязгнули. Девочка беспомощно задержала ногами. По щекам катились слезы – от боли, страха и обиды. Неужели все так и кончится? И ее путешествие по вентиляционной шахте, встреча с чудовищем – все это было зря? Камень, который она стащила из Котельной, упал на пол и откатился под кровать.

Повариха снова встряхнула Иву. В другой руке она держала громадный тесак. На свою добычу она смотрела так, будто примерялась, как бы половчее ее выпотрошить.

– Мне больно! – пискнула Ива, понимая, что никакие слова не успокоят разбушевавшееся чудовище.

– Больно? Ха! Сейчас тебе будет еще больнее...

На щеках Поварихи блестели темно-красные дорожки – она плакала кровавыми слезами. Ива зажмурилась, лишь бы не видеть эту жуткую картину. Ну, вот и все...

– Все, Роза, хватит! – прозвучал строгий голос. – Ты зашла чересчур далеко!

Будь у нее силы, Ива бы закричала от радости. Матушка! Она услышала ее и пришла!

Не отпуская девочку, Повариха обернулась. Матушка Ночи стояла в дверном проеме. Изящный силуэт внутри золотистого прямоугольника. Лицо ее оставалось спокойным, но по тому, как она сдвинула брови, было видно, что она сердится.

– А! – прогудела Повариха, оскалившись в злобной ухмылке. – Мамаша пожаловала...

– Успокойся, Роза, – сказала Матушка Ночи. – Спи.

И прежде чем Повариха успела что-нибудь сделать, Матушка Ночи коснулась ее лба кончиками пальцев. Легко и нежно. В то же мгновение глаза Поварихи закрылись. Словно Матушка погасила ее, как керосиновую лампу. Хватка ослабла, и Ива упала на пол, больно ударившись коленками. Но, не медля и секунды, девочка отползла к стене. А Повариха качнулась вперед, назад, затем ноги ее подкосились и она повалилась на спину.

От могучего удара содрогнулся весь дом. Задребезжали оконные стекла. Нож выпал из руки Поварихи и отлетел к ногам Матушки Ночи, но та на него не взглянула.

– Спи спокойно, Роза, – повторила она. – Тебе надо отдохнуть...

Едва Ива поняла, что все закончилось, она быстро подползла к Матушке и вцепилась ей в ногу. Ее трясло от страха, и она никак не могла прекратить плакать. Пусть все и завершилось, но Ива не чувствовала облегчения.

– Ну, ну, – сказала Матушка. – Все хорошо, девочка моя, теперь все хорошо...

Она подняла дрожащую от рыданий Иву и прижала к груди. Девочка уткнулась лицом в ее плечо – черное платье мигом промокло от слез. От Матушки Ночи пахло зимним лесом.

– Она... Она... – всхлипнула Ива.

Она посмотрела на огромную тушу, возвышавшуюся посреди комнаты. Грудь Поварихи мерно вздымалась, и на каждом выдохе звучал раскатистый храп. Белая кожа постепенно темнела, словно ее слой за слоем покрывали коричневым лаком. Когда Повариха проснется, она будет в добром обличье и даже не вспомнит, как хотела выпотрошить свою любимицу.

– Она... – повторила Ива.

– Она спит, – сказала Матушка и погладила Иву по макушке, взъерошив волосы. – Как же ты могла так попасться?

– Но я... Это моя комната, я не знала, что она...

– Ох, милая, – покачала головой Матушка. – Самые страшные вещи случаются там, где ты их меньше всего ждешь. И тогда, когда ты их меньше всего ждешь.

Она взяла Иву за подбородок и развернула к себе лицом.

– Ну, хватит плакать. – Рукавом она вытерла ей слезы, размазывая по щекам сажу и угольную пыль. – Надо же... И где это ты так вымазалась, золотце?

– Я, я... – Стоит ли рассказывать Матушке всю правду о своих приключениях? Вдруг Котельная не то место, куда ей можно ходить? Если Матушка Ночи рассердится, это будет страшнее пережившей Поварихи. А если ей запретят спускаться в подвал, как она сможет выполнить обещание навестить Уффа еще раз?

– Я пряталась на Кухне, – у Ивы вспыхнули уши. Никогда прежде она не обманывала Матушку. – За плитой. Там было очень грязно.

– Правда? – Матушка прищурилась, и у Ивы замерло сердце. Неужели она догадалась? Но затем Матушка указала на Повариху. – Надо попросить Розу навести порядок в ее королевстве. А то даже спрятаться негде!

Матушка постаралась, чтобы ее голос прозвучал весело. Но у нее плохо получалось шутить, и Ива не улыбнулась.

– Ладно, милая, пойдем умоемся. А кто-нибудь приберется в твоей комнате. Нехорошо оставлять Розу на голом полу, у нее ведь ревматизм.

Ива только кивнула в ответ.

Угольная девочка

До самой ночи Матушка не отпускала от себя Иву. Сперва девочка битый час отмокала в жестяном корыте в ванной комнате. От воды поднимался такой густой пар, что трудно было дышать. Но, как сказала Матушка, ничто так не успокаивает тело и дух, как горячая ванна. Она поливала Иву водой из кувшина и терла жесткой щеткой так, будто хотела отскоблить не просто грязь, но заодно и кожу. И без толку было спорить и возмущаться. Когда Ива наконец выбралась из ванной, распаренная и покрасневшая, она чувствовала себя до противного чистой. Сверкала небось как надраенная кастрюля. Но в одном Матушка оказалась права – все ее беды, переживания и страхи отступили и уже не казались такими серьезными. Просто еще одно приключение в доме Матушки Ночи – сколько их было и сколько еще будет?

Потом накрыли общий ужин. Повариха еще не очнулась, поэтому к столу подали холодные остатки вчерашней трапезы – тушеного кролика с овощами. И пусть некоторые из жильцов (и особенно профессор Сикорский) ворчали по этому поводу, свою порцию Ива смела без остатка. А заодно выслушала нудную лекцию о том, что приличные девочки не облизывают тарелки. Про себя она решила, что лучше будет неприличной девочкой, чем пожертвует подливой.

Когда пришло время ложиться спать, Матушка долго сидела на ее кровати, рассказывала сказки и что-то напевала. Как бы она это ни прятала, было видно, что она переживает из-за случая с Поварихой и не хочет оставлять дочь одну. Пришлось притвориться спящей, чтобы Матушка ушла побыстрее. Наконец та погасила лампу и выскользнула из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Лежа с закрытыми глазами, Ива сосчитала до ста – на тот случай, если Матушка вздумает вернуться, чтобы проверить, все ли в порядке. Но обошлось.

Стараясь двигаться как можно тише, Ива села на кровати. Ни одна пружина не скрипнула. Комната тонула в мягком сумраке. Зимняя луна заглядывала в окно бледным глазом – бегущие облака то и дело прятали ее, как моргающее веко. От окна по противоположной стене расплзлось серое пятно.

Ива перегнулась через край, заглянула под кровать и облегченно выдохнула. Камень никуда не делся, никто его не тронул и не заметил. Даже в полумраке комнаты его было отлично видно: он был чернее черного, сгусток застывшей темноты. Пусть Сикорский и говорил, что нельзя увидеть черную кошку в темной комнате, Ива убедилась, что это вовсе не так.

Она подняла уголь и от неожиданности чуть не выронила: такой он был холодный. Гораздо холоднее, чем в Котельной. Ива положила его на край одеяла. Теперь все нужно делать так, как учил ее Уфф: смотреть и ждать. Ива глубоко вдохнула и уставилась на камень, стараясь ни о чем не думать.

Время тянулось так медленно, что, казалось, прошла целая вечность, прежде чем в темной глубине замигала белая точка. Ива затаила дыхание. Ну же! *Совка Авроры* – наверняка это будет она! Профессор Сикорский от радости из кресла выпрыгнет! Точка приближалась медленно, описывая внутри куска угля странные круги. Вот сейчас, еще чуть-чуть...

Камень раскололся с оглушительным треском, будто кто-то сломал пополам вязанку сухого хвороста. В лицо ударила волна сухого жара, и тут же девочка поняла, что это вовсе не жар, а, наоборот, ледяной холод. В кожу словно вонзился миллион крошечных иголок. Ива отпрянула и стукнулась затылком об изголовье кровати. В то же мгновение на нее навалилось что-то тяжелое и мягкое, а в нос ударил гнилостный запах. Так пахнет застоявшаяся вода, в которой разлагается сдохшая рыба. От мерзкой вони желудок Ивы сжался, и ее чуть не вывернуло наизнанку. Она задергалась, пытаясь освободиться, и в конце концов ей это удалось.

Дрожа от ужаса, она уставилась на существо, явившееся из камня. Это оказалась вовсе не бабочка. На кровати на корточках сидела девочка, примерно ее возраста. Впрочем, Ива не стала бы ручаться, что она была человеком.

Девочка была очень худой, с руками как палки и вытянутым бледным лицом. Одежду она не носила. Ключицы и ребра выпирали так сильно, что казалось, еще немного, и они прорвут тонкую кожу. Она вся блестела от влаги или от слизи, темные волосы и те были влажными. Узкие глаза смотрели прямо на Иву, но взгляд был пустой.

– Ты кто? – прохрипела Ива.

Угольная девочка мотнула головой.

– Косточки... – зашипела она. – Белые косточки... Сладкие...

От звука ее голоса Иву пробрал озноб. Но самое жуткое – голос показался ей знакомым. Где-то она уже слышала похожие интонации, хотя никогда раньше не встречала это существо.

Угольная девочка нагнулась ближе. Черный язык облизал тонкие губы. И тогда Ива увидела, что рот гостыи полон маленьких острых зубов. С перепугу Ива схватила ее за холодные и скользкие запястья и оттолкнула от себя.

Видимо, страх придал ей сил. Одним рывком она сбросила жуткую девочку на пол, а та заскользила по нему, как по льду. Ударившись о стену под окном, она замерла, не шевелясь и не издавая ни звука. Длинные волосы спрятали лицо. А затем она резко вскинула голову.

– Косточки... Сладкие...

Пискнув, Ива отползла к стене, укрываясь одеялом, будто оно могло ее защитить. Что она наделала?! Выпустила эту тварь... Не зря Уфф так старательно подбирал камни. Похоже, внутри них и в самом деле скрывались опасные вещи. Не всякий забытый сон стоит вспоминать, слишком много среди них кошмаров.

– Не подходи! Не смей ко мне приближаться!

Угольная девочка мотнула головой. Мокрые плети волос хлестнули ее по спине и голым плечам.

– Сладкие...

В тот же миг она вцепилась в подоконник и швырнула себя в окно – иначе не скажешь. Стекло разлетелось на сотню осколков, хлопнул ставень, и в комнату ворвался зимний ветер. Заметался вместе с роем колючих снежинок, надул занавески. А угольной девочки и след простыл.

Прижимая к груди одеяло, Ива метнулась к окну. Но все, что она успела разглядеть, – это тоненькую цепочку следов на заснеженной лужайке и темную фигурку, удалявшуюся в сторону Большого Леса.

Ива отпрянула от окна, дрожа от холода и страха. По дому уже слышался топот и голоса – скоро в ее комнате соберутся все жильцы. Однако Ива не думала о том, что она им скажет. Все мысли были об угольной девочке.

Как же так: без одежды в зимнем лесу? Она же замерзнет и погибнет... Превратится в ледышку. Но почему-то Ива была уверена, что с *этой* девочкой ничего подобного не случится.

И еще одна мысль билась в голове, как испуганная птица: как бы дико это ни звучало, но лицо угольной девочки напомнило Иве ее собственное лицо. Словно она увидела себя глазами кого-то, кто очень сильно ее ненавидит.

Глава 3

Голоса птиц

Охотник проснулся задолго до рассвета и битый час лежал, уставившись в потолок землянки. Сна не было ни в одном глазу. Да и ночью он спал плохо – просыпался каждые полчаса и подолгу ворочался с боку на бок, тихо чертыхаясь. Обрывки снов смешались в голове, при всем желании Охотник не смог бы вспомнить, что ему снилось. Но эти сны оставили после себя странное и тревожное ощущение: если не предчувствие надвигающейся беды, то что-то очень похожее. Что-то сдвинулось в этом мире. Охотник чувствовал это, как дикие звери чувствуют приближение грозы.

Какая-то птица всю ночь распевала песни в дюжине шагов от его убежища. Крик ее был пронзительный и звонкий: «Пишу! Пишу!» С таким звуком расплавленное олово капает в холодную воду. И хотя Охотник привык не обращать внимания на голоса ночного леса, будь то шепот деревьев, звон комарья, треск сломанной ветки или далекий волчий вой, эта песня не давала ему покоя. Что-то в пронзительных криках ночной птицы заставляло сердце биться чаще, а его самого – вздрагивать и прислушиваться.

Землянку Охотник вырыл на склоне небольшого холма. По сути, это была обычная яма, под корнями скрюченной сосны, одного из лесных патриархов. Охотник не потрудился укрыть крышу лапником, и теперь в дырах между переплетенными корнями он видел светлеющее небо. Любой другой человек назвал бы это место берлогой и был бы не далек от истины. Если хорошенько поискать в подстилке из прелых листьев и рыжей хвои, то можно найти клочья свалявшегося медвежьего меха. Даже время не смогло выветрить терпкий мускусный запах. Охотник мог бы их выкинуть, но эта была единственная память, которая осталась от его жены. Той, которую много лет назад убил Первозверь.

– Пишу! Пишу! – вновь закричала ночная птица. Словно куда-то звала.

Охотник хлопнул себя по щеке, размазав присосавшегося комара. Но в конце концов не выдержал и сел, задев макушкой потолок землянки. Найти бы эту крикунью да свернуть ей шею, чтобы неповадно было! Но он был Охотником, а не Убийцей, а это что-то да значило. Он потянулся, разминая затекшие мышцы. Громко хрустнул костями. И вдруг схватил с земли корявую палку и с размаху швырнул в заросли малины, откуда и доносились птичьи крики.

– Когда же ты заткнешься?! – Громкое эхо заметалось по предутреннему лесу.

Из кустов вспорхнула желто-зеленая птаха с ярко-красным хохолком. Мелькнула и исчезла в зарослях.

– Пишу?

Охотник выругался. Проклятье! Нужно как-то избавиться от певуни или о крепком сне придется забыть. А если пичуга решит свить гнездо рядом с его домом... Неровен час придется искать новое место для ночлега, а Охотник слишком дорожил своей берлогой. Слишком многое с ней было связано.

Он зарылся пятерней в спутанные черные волосы и дернул себя за космы. Воспоминания... Сколько их было раньше, а сейчас почти не осталось. Он еще помнил запах, но, как ни старался, не мог вспомнить, как же звучал ее голос. Как давно это было... Только время – плохой лекарь. Оно лишь стирает память, но ничуть не лечит раны.

Тоска сдавила сердце, и он заскрипел зубами от ноющей боли. Охотник так и не нашел себе новую жену, хотя претендентки всегда были. Но никто не мог сравниться с той, что ушла. Всего одно жаркое лето они были вместе. То самое лето, когда в Большой Лес приходили Ушедшие Звери. Охотник криво усмехнулся. Тогда ведь тоже пела ночная птица, мешала спать, но

они с женой о сне и не думали... А мгновение спустя Охотник выскочил из берлоги и замер на пороге. Быть этого не может! Неужели...

Зыбкий туман скользил меж сосен и елей, тая на ветру. Восходящее солнце окрасило макушки деревьев лиловым и розовым, и недолго оставалось до того мгновения, как они вспыхнут чистым золотом. Большая сова скользнула меж гигантских стволов, спеша укрыться от наступающего дня. Звуки ночи постепенно стихали – одни артисты уходили со сцены, чтобы уступить место другим. Где-то в лесной чаще застучал черный дятел, отбивая начало новой лесной симфонии.

Охотник прислушался к утренней переключке птиц – здесь, там, всюду... Черный дрозд ругался с серой славкой, пищали вездесущие синицы, ухнул лесной голубь, и закаркала ворона. И, не желая отставать от птичьего концерта, плаксиво затыкала лисица. Все было так, как и полагается, и в то же время совсем не так. Охотник втянул носом воздух, снова напряг слух. И наконец уловил далекий, едва слышный трубный зов. Словно где-то в чаще олень звал олениху. Но это был вовсе не рев оленя.

Охотник стиснул кулаки так, что ногти вонзились в огрубевшую кожу. *Ушедшие Звери...* По прошествии стольких лет они вернулись. Колючие Пастухи вновь привели свои стада в Большой Лес.

Охотник вернулся в берлогу, но лишь затем, чтобы захватить ружье. Сердце стучало в груди, как молот по наковальне. Сперва он намеревался сразу двинуться туда, откуда доносится рев. Однако, спустившись к подножию холма, остановился. Нет, так дело не пойдет... Возвращение Ушедших Зверей было великим событием. Кто знает, когда оно случится следующий раз? А раз так, нельзя упускать такую возможность.

И, положив ружье на плечо, Охотник зашагал к дому Матушки Ночи. Пусть его крестница совсем еще малявка, во что бы то ни стало она должна это увидеть.

Отличный выстрел

– Вот зараза!

Ива ойкнула, облизала порезанный палец и по привычке огляделась: не слышал ли кто? Но обошлось. Парочка тощих черных кур искала жуков-червяков в свежей траве, а кроме них, во дворе никого не было. Если, конечно, не считать *чертополохов*, но *эти* точно никому ничего не расскажут. От них можно ожидать любой пакости, но только не этой.

Девочка сидела на порошке курятника и, прикусив язык от усердия, чинила стрелу – толстой нитью приматывала к древку каменный наконечник. Об него-то она и порезалась, несильно, но больно. На самом деле Повариха послала ее за водой на колонку, но Ива решила, что Роза просто хотела выпроводить ее с Кухни, чтобы девчонка не вертелась под ногами, пока она готовит. А то ведь Повариха могла и *перемениться*, и тогда проблем не оберешься. Семь лет – уже не тот возраст, когда можно спрятаться за плитой, к тому же Ива была высокой девочкой. Тощей, но высокой.

Потому Ива и не спешила возвращаться на Кухню, а жестяные ведра стояли пустые. В конце концов, у нее хватало дел и во дворе. Надо починить стрелы, поупражняться в стрельбе, да мало ли еще чего? А на Кухне воды и так достаточно – большой бак был наполнен почти наполовину.

Ива облизала порезанный палец, а затем щелкнула ногтем по наконечнику, будто хотела его наказать. Маленький и треугольный, сделанный из песочно-желтого камня. Края сколоты хитроумным образом, так что одновременно были и зазубренными и острыми как бритва. Если обращаться с ним неосторожно, то порезаться легче легкого – урок, который Ива усвоила быстро, хотя и продолжала иногда спотыкаться.

Охотник подарил ей наконечники на седьмой день рождения. Ровно семь штук, похожих и непохожих друг на друга, как близнецы. О лучшем подарке от крестного Ива не могла и мечтать. И дело было не в самих наконечниках, а в том, что, по сути, это было признанием того, что она стала взрослой. И ей можно иметь *настоящее* оружие. А раз так, рассуждала Ива, недолго оставалось и до того момента, когда ей позволят выйти за ограду в Большой Лес. Он уже давно звал ее – каждую ночь, шелестом ветвей и криками ночных птиц.

Охотник не стал прикручивать наконечники к стрелам, сказав, что она должна сделать это сама. Он даже не стал объяснять, как это правильно делается. Вот Ива и училась методом проб и ошибок, правда, пока еще получалось плохо.

Ива приматывала наконечники шерстяной нитью из клубка, который ей дала Матушка. А подобное крепление для стрел не годилось. Нить то и дело рвалась в руках, и работу приходилось начинать сначала. А если ей все-таки удавалось закрепить наконечник, то держался он всего два-три выстрела, после же разбалтывался. Такие стрелы – одно наказание. Они и летели криво, и в мишень не втыкались. Отскакивали от нее, как мячики от стены. Толку, что она попадала в яблочко?

Ива потянулась и глубоко зевнула, как кошка на солнцепеке. Хотя, конечно, никакого солнцепека во дворе у Матушки Ночи и быть не могло. Дневное светило давно поднялось над Большим Лесом, но сюда оно заглядывать не спешило, оставив двор на откуп мягким сумеркам и глубоким теням. И как подозревала Ива, дело было не только в гранитной скале, рядом с которой стоял дом. Тень от скалы – самое простое, но далеко не единственное объяснение.

Мимо прошествовала курица, озадаченно косясь на девочку. Словно никак не могла понять, почему та не ищет червяков вместе с остальными. Ива лениво махнула на нее рукой и снова занялась стрелой. Прихватив конец нити зубами и намотав на палец две петли, она затянула тройной узел – самый крепкий, который знала. Затем вытянула руку и закрыла один глаз, осматривая свою работу. И тут же, не удержавшись, цокнула языком. Ну вот, опять...

На первый взгляд стрела выглядела как надо, но если смотреть на свет, становилось видно, что продольная ось наконечника не совпадает с древком. Отклонилась на полногтя. Сильно повезет, если такая стрела вонзится хотя бы в землю, и по-хорошему такую работу надо переделывать. Но вместо этого Ива вскочила на ноги и подняла лук. Хоть какой-то выстрел у нее должен получиться?

Мишенью ей служил холщовый мешок, набитый сухой травой, листьями и соломой. Углем Ива нарисовала на нем нечто, что с натяжкой можно было назвать концентрическими кругами. Но если смотреть издалека, они больше походили на миндалевидной формы глаз с вертикальным зрачком. Впрочем, оно и к лучшему: Ива не сомневалась, что в Большом Лесу подобных глаз предостаточно, а вот насчет концентрических кругов она не была уверена.

Поставив мишень рядом с колонкой, Ива отошла к ограде. Стрела легла на тетиву. Ива слегка натянула ее, затем прищурила один глаз, прицеливаясь и прикидывая расстояние. Нужно еще сделать поправку на ветер – крестный говорил ей об этом, но эту науку Ива пока не освоила. Глаз на мишени смотрел на нее чуть ли не с ехидством, словно подначивая – попробуй попади! Ива глубоко вдохнула и натянула тетиву до самого уха. Стрелять на третий удар сердца: раз, два, три...

Тетива зазвенела. Но еще до того, как стрела сорвалась, мешок-мишень завалился набок. Стрела пронеслась над ним, ударилась о стену курятника и отскочила, перепугав и без того нервных кур.

Ива чуть не задохнулась от возмущения.

– Ах вы маленькие мерзавчики! Да чтоб вас!

Ива и в мыслях не допускала того, что мишень упала сама по себе. Уж она точно знала, чьих это рук дело. *Чертополохи!* Гадкие маленькие вредители, которые жили во дворе у Матушки Ночи. Ива никогда их не видела, разве что мельком, но, если ты чего-то не видишь, это не значит, что этого нет.

В существовании чертополохов Ива ни капельки не сомневалась. Особенно после того, как прошлым летом она уснула во дворе, а эти гаденыши вплели столько репьев и колючек ей в волосы, что пришлось их обрезать. Чертополохи таскали ее стрелы и яйца у кур, им ничего не стоило опрокинуть бидон с молоком, когда Ива доила козу, или забить колонку сухой травой. А уж подставить подножку, когда девочка с полным ведром спешила к дому, так и вовсе – милое дело. Смысла в подобных выходках не было никакого. Это было вредительство ради вредительства. Словно для них не было большей радости, чем выводить ее из себя.

Ива уже и не помнила, сколько пакостей они ей сделали, а вот ответить им тем же не получалось. Единственный вариант, который вертелся в голове, – дотла выжечь всю траву во дворе. Но Матушка не одобряла подобных методов. Всякий раз, когда Ива прибегала к ней жаловаться, она лишь улыбалась и что-то говорила про детские шалости. В конце концов Ива просто перестала беспокоить ее по этому поводу.

Внимательно смотря под ноги, Ива зашагала к упавшей стреле. Но не успела сделать и пары шагов, как за спиной послышался знакомый голос:

– Отличный выстрел, вороненок. Но все равно еще спешишь.

– Крестный! – крикнула Ива, оборачиваясь. От радости сердце подскочило в груди.

Охотник стоял в паре шагов от ограды, опираясь о ружье. Решетка еще не успела зарости плющом, так что его было отлично видно. Тем не менее заметила она его только сейчас, хотя наверняка он давно за ней наблюдал. От этого Ива разозлилась – сперва на крестного, затем на себя. Это надо было так опростоволоситься! Теперь поход в Большой Лес наверняка отложится. Крестный говорил, что возьмет ее с собой, когда она будет готова, а о какой готовности может идти речь, если ее так легко подловить?

– Чего кривишься, вороненок? – Охотник ухмыльнулся, словно прочитал ее мысли. – Готовь лучше стрелы. Сегодня мы идем в Большой Лес.

А минуту спустя из дома донесся озадаченный голос Доброзлой Поварихи:
– Ива, чертовка ты этакая, чего развизжалась? Ты принесла воды?

Три правила

– Слушай внимательно и запоминай. Повторять не буду. – Охотник положил ладони, огромные, как медвежьи лапы, на плечи Ивы и присел на корточки. И все равно девочке пришлось задрать голову, чтобы заглянуть ему в глаза. – Мы идем в Большой Лес, и это уже не игра. Тут все серьезно.

Ива кивнула, чуть более раздраженно, чем следовало. Охотник недовольно нахмурился. Но что она могла поделать? Ей уже все уши прожужжали этим «очень серьезно» – сперва Матушка, затем Повариха, и даже доктор Сикорский не остался в стороне. Стоило кому-то узнать, что она собирается в Большой Лес, как он тут же начинал причитать, хвататься за голову и рассказывать, как там опасно. Будто она была такой глупой, что не могла понять все с первого раза. А теперь к этой компании присоединился еще и крестный.

Ива злилась вовсе не из-за самих предупреждений. Сколько она себя помнила, ей твердили об опасностях, которые подстерегают маленькую девочку в Большом Лесу. Мол, волки, медведи и куда более жуткие твари только и ждут, когда она придет к ним на обед. Ива слышала об этом так часто, что почти перестала принимать эти слова всерьез. Куда больше раздражал тон. Будто все: Матушка, Повариха, Сикорский – нисколько не сомневались в том, что стоит ей выйти за ворота, и с ней непременно случится что-то плохое.

– Поэтому, – продолжил Охотник, – ты должна запомнить три важных правила.

– Да, я знаю. Быстро бегать, – затараторила Ива, загибая пальцы, – не зевать, и...

– Вовсе нет, – остановил ее крестный. – Это хорошие правила, и они тебе еще пригодятся. Но не в этот раз. А пока запомни правило номер один: от меня ни на шаг. Куда я, туда и ты, ближе чем тень. Все три дня ты будешь ходить за мной как приклеенная.

– А если я захочу в туалет? – нахмурилась Ива.

– Ни на шаг, чего бы ты ни захотела, – сказал Охотник. – Если вдруг потеряешь меня из виду, стой на месте и жди. Ни в коем случае не сходи с тропы. Усекла?

– Ага, – кивнула Ива. – От тебя ни на шаг и не сходить с тропы.

Про себя она подумала, что никакой охоты не получится, если ходить только по тропам да еще и за ручку. Но решила промолчать: сейчас не время спорить с Охотником, а то вдруг он передумает и оставит ее дома?

– Молодец, – похвалил девочку крестный. – Теперь правило номер два. Еду берешь из моих рук. Увидишь ягоды – не трогай их, сейчас не время для ягод. Захочется пить и увидишь чистый ручей – без меня ты не сделаешь и глотка. Ясно?

– Еще как, – ответила Ива. Это правило не выглядело сложным, особенно после сытного обеда, которым накормила ее Повариха, так что и возражений не вызвало.

– И третье правило, – сказал Охотник. – Если что-то заметишь, кричи. Уж это ты умеешь. Не гадай о том, померещилось тебе или нет. Не пытайся что-то сделать. Просто кричи. С этим понятно?

– Конечно понятно, я же не глупая! – выпалила Ива. И пусть она того не хотела, но в голосе прозвучали обиженные нотки.

– Я и не говорю, что ты глупая, – серьезно сказал Охотник. – Но Лес лукав. Ему ничего не стоит обмануть даже такую сообразительную девочку.

Он щелкнул ее по носу.

– Он и меня легко обманет.

Ива тряхнула челкой, отстраняясь. К чему эти детские разговоры? Только время теряют, а давно уже могли быть в Лесу. Колчан мотнулся и хлопнул ее по спине. Покачав головой, крестный потуже затянул заплочный ремень.

– А на кого мы будем охотиться? – спросила Ива. Вопрос давно вертелся у нее на языке, но из-за всех наставлений и объяснений никак не получалось его задать.

– Разве я говорил, что мы будем охотиться? – Густые брови Охотника приподнялись.

– Нет, но... Мы же идем в Лес, вот я и подумала...

– Не в этот раз, вороненок. Мы идем потому, что я хочу тебе кое-что показать.

– Только показать? – Ива не стала скрывать разочарования. Руки опустились.

Крестный широко улыбнулся.

– Поверь, этого более чем достаточно.

– Но как же... Я готовилась, училась стрелять...

– Твоя Охота никуда не денется, – сказал Охотник. – Ты, главное, не спеши, и все придет в свой срок.

Он хотел добавить что-то еще, но передумал. Выпрямившись, Охотник подошел к ограде и толкнул створку ворот. Открылись они с протяжным скрипом.

– Ну, готова?

Ива кивнула, не спуская глаз с зелено-красной стены Большого Леса. Лес ждал... Ждал именно ее. Ива вдруг почувствовала это так отчетливо, что мурашки забегали по телу и она подернула плечами.

– Тогда в путь, вороненок. И помни правило номер один – от меня ни на шаг.

Охотник шагнул за ограду. Ива на мгновение замешкалась, и пришлось догонять его почти бегом. Так, безо всякой торжественности и даже несколько суетливо, Ива впервые в жизни вышла за ворота.

Шагов через двадцать она все же обернулась. И почему-то дом показался ей совсем маленьким, почти игрушечным – крошечная башенка на фоне огромной гранитной скалы. Ржавый флюгер покачивался из стороны в сторону, а под самой крышей светилося желтым светом круглое окошко. И хотя никого не было видно, Ива поняла, что сейчас все жильцы дома, даже *чертополохи*, смотрят ей вслед. Не удержавшись, она помахала им рукой.

Мгновение спустя дверь дома открылась и на крыльцо вышла Матушка Ночи. Долгую минуту она просто стояла, скрестив руки на груди, но затем все же помахала в ответ.

Колючий пастух

Поспевать за Охотником оказалось непросто. Легко сказать – от меня ни на шаг, но что делать, если на каждый шаг крестного Иве приходилось делать два, а то и три своих? Она не столько шла, сколько бежала короткими перебежками. А подобный способ передвижения порядком утомляет. Часа не прошло, как они покинули дом Матушки Ночи, а Ива уже дышала, как запыхавшаяся собака. Но хуже всего были комары. Они набросились на Иву, стоило только ступить под сень Большого Леса. Целая туча, и кусались они больно. Подобной пакости от Большого Леса она не ожидала. Ей так много рассказывали про чудовищ и хищных зверей, но почему-то никто и словом не обмолвился о том, что на самом деле ее заживо съедят комары. А еще слепни – штук пять крупных жужжащих мух вились за спиной, и Ива едва успевала от них отмахиваться.

С того момента, как они вошли в Большой Лес, Охотник не проронил ни слова. Они шли по узкой тропинке, петлявшей меж мшистых стволов гигантских елей и едва различимой под опавшей хвоей. Листья папоротника-орляка клонились к самой дороге. Крестному хорошо – папоротник доставал ему лишь до колена, а вот Ива пробиралась через настоящую чащу. Но как бы она ни устала, как бы трудно ей ни приходилось, она не жаловалась. Ива понимала, что, если она начнет ныть, в следующий раз Охотник может и не взять ее с собой. Или того хуже – они развернутся и пойдут назад. Да она сгорит от стыда, если такое случится!

Солнце с трудом пробивалось сквозь сплетение ветвей, раскрасив лесной сумрак зеленоватыми и золотыми полосами. В лесу пахло сырой землей и мокрыми листьями. Запахи были такими плотными, что порой воздух приходилось глотать с усилием. От этих ароматов голова шла кругом; а еще она кружилась от сотен новых звуков и новых красок. Все здесь оказалось ярче, живее и громче, чем в доме у Матушки Ночи – царстве вечных теней и мягких полутонов. И это пьянило. Ива ни разу в жизни не пробовала вина, но она про него читала и подозревала, что чувствует себя так, словно выпила пару больших бокалов.

Зазевавшись, Ива запнулась о выпиравший из земли корень и чуть не полетела носом вниз, едва не рассыпав стрелы. Этого еще не хватало! Она быстро посмотрела на крестного – не заметил ли? Но тот глядел прямо вперед, высматривая что-то в глубине леса. Ива шмыгнула носом и поправила колчан.

– Устал, вороненок? – спросил Охотник.

Ива поджала губы. Устала она, конечно, жутко, но признаваться в этом не собиралась. Ну уж дудки!

– А я вот притомился, – вздохнул Охотник. Он провел рукой по лбу, вытирая пот, которого не было. – Может, устроим небольшой привал?

Не дожидаясь ответа, он свернул к высоченной сосне. Внутри широкого ствола легко бы уместился дом на несколько комнат. Ветви же начинались на такой высоте, что и не разглядеть. Охотник остановился в ложбинке меж корней и потянулся – больше для вида, чтобы показать, как он якобы устал. Прислонил ружье к стволу дерева.

– Ну, чего ждешь?

Спотыкаясь через шаг, Ива поспешила за крестным.

– Присаживайся. – Охотник махнул рукой. – Иними ботинки. Дай ногам передохнуть.

Уговаривать Иву не пришлось. Она стащила ботинки и, вытянув ноги, устроилась на мягком ковре из опавшей хвои. Охотник остался стоять. Из глубин одежды он достал кيسет и трубку, вырезанную из темного дерева, и принялся ее набивать, приминая табак ногтем большого пальца. Только закончив с этим делом и закулив, он позволил себе присесть. Бородатое лицо на мгновение скрылось за облаком дыма. Ива принюхалась. Запах табака напомнил ей ароматы леса – такой же загадочный, волнующий и терпкий.

Справа рыжим куполом возвышался большой муравейник. Темно-красные муравьи ползали повсюду – их ручейки текли вверх и вниз по стволу сосны. Не успела Ива устроиться, а полдюжины муравьев уже забрались ей на ногу и суетливо забегали, пытаясь понять, где они очутились и можно ли утащить это к себе домой. Нагнувшись, Ива подула на них, но муравьи так крепко цеплялись за нее лапками, что, похоже, и не заметили начавшегося урагана.

– Нам еще долго идти? – спросила девочка, переводя взгляд на крестного.

Тот пожал плечами:

– Не очень. К вечеру доберемся до одного места, где остановимся на ночлег. И если выйдем с рассветом, то к полудню будем на месте.

– О... – протянула Ива. По ее меркам, путь предстоял неблизкий. К тому моменту, как они доберутся, у нее уже отвалятся ноги... Она сорвала длинную травинку и потянула в рот.

В то же мгновение что-то ударило ее по руке, да так, что Ива вскрикнула от боли. Ладонь словно обожгло огнем. Охотник стоял рядом, одним прыжком преодолев разделявшее их расстояние.

– Ай! – Ива захныкала. – За что?

– Правило номер два, – спокойно сказал крестный. – Повтори.

– Братъ еду из твоих рук, – плаксиво ответила Ива, качая кисть. Охотник ударил ее несильно, по своим меркам, но рука у него была тяжелая. – Но это же не еда! Нельзя просто пожевать травинку?

– Нельзя тащить в рот все подряд. Пожевала бы ты травинку, а потом бы мучалась животом и просидела три дня в кустах. Так мы никуда не доберемся.

Ива посмотрела на него исподлобья. Утешало лишь одно – судя по тону, Охотник не злился. Он вернулся на свое место и запыхтел трубкой.

– А куда мы идем? – спросила Ива, немного успокоившись. Она уже раз десять задавала этот вопрос, но получала лишь уклончивые ответы. Впрочем, упрямства ей было не занимать – десять раз не вышло, так, может, на одиннадцатый получится?

Охотник фыркнул:

– Я же тебе говорил – потерпи немного. Придем на место, и ты сама все увидишь.

– Терпеть – скучно, – вздохнула Ива.

– Зато терпение всегда вознаграждается сторицей, – пожал плечами Охотник. – В Большом Лесу нужно уметь ждать. Видишь то деревце?

Он указал на сосенку, высотой девочке по пояс.

– Знаешь, сколько ему еще ждать, прежде чем оно займет место этого великана? – Охотник постучал по корню, на котором сидел. – Дети твоих детей и те этого не увидят. А если оно сразу вымахает до таких высот, оба дерева погибнут. Их корням не хватит воды.

– Но я же не дерево! – возмутилась Ива.

Охотник хрипло рассмеялся.

– Это уж точно! – Он глубоко затаился и выдохнул дым вверх. Над его головой растаяло маленькое облачко. – Ну что, передохнула? Тогда пошли дальше.

Ива захлопала ресницами. Ей казалось, она только присела. Она и дыхание не успела перевести. Но крестному виднее.

Не успела она подняться на ноги, как Охотник вдруг замер, подняв руку.

– Стой... – шепнул он одними губами, и Ива тут же застыла.

Охотник неслышно поднял ружье. Он всматривался куда-то в чашу, в сторону густых зарослей орешника. Ноздри его задрожали. Ива проследила за его взглядом.

Очень долго ничего не происходило. Шумел лес, гудели слепни, где-то затрещала сорока... А затем что-то переменялось. Ветви орешника качнулись, как от ветра, и Ива увидела, что там кто-то стоит.

Это оказалось мохнатое существо, высотой не меньше медведя, вставшего на задние лапы. Больше всего оно походило на огромного древесного дикобраза. Его тело покрывали длинные пестрые иглы, за спиной волочился толстый хвост, а на круглой морде светились огромные желтые глаза. Но куда больше Иву поразили ветвистые рога, украшенные птичьими перьями и цветными лентами и крепившиеся на голове существа с помощью тесемки. В левой руке, точнее, лапе, странное создание держало посох – длинную узловатую палку, так же обвешанную колышущимися птичьими перьями.

На Иву и на Охотника существо глядело со странным меланхоличным выражением. Словно они были чем-то любопытным, но несущественным вроде копошащихся повсюду муравьев. Лишь на крошечный миг Ива встретила с ним глазами. Руки враз покрылись гусиной кожей. Чувство было такое, будто она заглянула в бездонную пропасть. Существо вовсе не было страшным; Черный Кочегар или Повариха в злом обличье выглядели куда более жутко. Однако оно казалось таким чужим и далеким, что само его существование представлялось чем-то неправильным.

Все это продолжалось не более пары секунд. Ива моргнула, и существо исчезло. Ветви орешника не шелохнулись. И лишь по напряженному выражению на лице Охотника Ива поняла, что ей не померещилось. Он тоже *его* видел.

– Кто это был?! – Руки дрожали так, что пришлось сжать кулаки, чтобы крестный ничего не заметил.

– Роган-Броган, – ответил Охотник, не оборачиваясь. – Колючий пастух... Не думал, что они подошли так близко.

Ночной костер

Огонь тихо потрескивал, обгладывая сухие ветки, и плевался крошечными искрами. Стелющийся дым пах смолой и чем-то еще – уютным, навевающим мысли о доме и о мягкой постели с теплым одеялом. Хотя никакой постели здесь не было. Как не было и крыши над головой – только ветви деревьев, но они, разумеется, не в счет. Ива поежилась, обхватила себя руками за плечи и поближе придвинулась к огню.

Они остановились на ночлег меньше часа назад. А шли долго – даже после заката, через темный и мрачный лес, с каждым шагом становившийся темнее и мрачнее, пока Ива не перестала видеть тропинку под ногами. Охотник спешил. Встреча с колючим пастухом его взволновала, но он не объяснил почему. Возможно, не будь с ним крестницы, он бы и вовсе не стал делать привал. Но Ива не могла идти так долго, вот и пришлось разбить лагерь.

Охотник развел крошечный костерок: всего пара веток горели в вырытой для этого ямке. Как решила Ива, это для того, чтобы не привлекать внимания. Но с тем же успехом Охотник мог вообще не разжигать огонь. Все равно от него не было никакого толку. Тепла – даже руки не согреешь, а света и того меньше. Ива едва различала стволы елей, обступивших их плотным кольцом, и колышущиеся листья папоротника. Больше угадывала очертания, чем видела их на самом деле.

Темнота в лесу совсем не походила на темноту в доме Матушки. Здесь она напоминала занавес из многих слоев черного шелка. Занавес опущен, но по тому, как он колышется, по доносящимся звукам, становится понятно: с той стороны кто-то есть. Он рядом, совсем близко – занавес натягивается и, кажется, вот-вот раскроется. Но прежде чем это случается, таинственный *кто-то* отступает. Может, это колючий пастух, может, кто-то еще, а может, там никого и нет, а Ива все выдумала.

Охотник сидел молча, лишь время от времени ворошил угли кривой веткой. Когда он это делал, в воздух поднимался сноп искр, но они гасли, не успев взлететь. В другой руке Охотник держал трубку, но уже давно к ней не прикладывался и огонек в чашечке погас.

Поежили они холодными бутербродами с курятиной, которые Повариха дала в дорогу. Теперь сытость приятными волнами растекалась по телу. Иву клонило в сон. Огромного труда ей стоило просто держать глаза открытыми, но она старалась как могла, поскольку понимала: стоит векам сомкнуться, и она не сможет открыть их до самого утра. Спать же было рано. Не сейчас... У нее оставалось слишком много вопросов.

За спиной Охотника мигнул голубоватым фонариком светлячок. Поплясал в воздухе и погас, чтобы мгновение спустя загореться в другом месте. Словно заблудившаяся звездочка в поисках дороги на небо.

– А кто он? – шепотом спросила Ива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.